

Анна Кудинова

САНКИ

12+

Анна Кудинова

Санки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41264642

SelfPub; 2022

Аннотация

Четверо друзей-подростков, выходя из школы, видят на заднем дворе старые кованные санки. Не раздумывая, ребята на спор совершают импровизированное воровство. После, испугавшись наказания, ребята решают избавиться от ворованной вещи, закопав ее в тайном месте. Но санки оказываются не простыми, с этого дня они появляются по ночам в комнате вора и сводят его с ума, постепенно превращая его жизнь в ад. Мальчик понимает, что у санок есть хозяин, который забрал его жизнь себе в обмен на свою вещь. Сколько времени у него осталось, чтобы вернуть санки, и как это сделать? В оформлении обложки использовано изображение "Санки", автор А.Кудинова.

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	25
5	34
6	42
7	61
8	74
9	85
10	90
11	108
12	116
13	127
14	153
15	180

Анна Кудинова

Санки

1

1994 год.

В январские морозы сельскую школу протопить тяжело и уроки заканчиваются чуть раньше обычного времени. Зимний день только набрал свои обороты, как тяжелая деревянная дверь распахнулась, и мы с криками и свойственным нам запалом выбежали из школы. Звонок еще не закончил звенеть, мы были первые. Все утро шел снег, покрывая школьные ступеньки ровными белыми, девственно нетронутыми волнами, солнце резало глаза, неудобная шапка съезжала на лицо, я поправлял ее мокрой толстой варежкой, ею же стирал сопли, в то время как Сашка крикнул: «Лови!» – и бросил чей-то набитый рюкзак вперед так, что он перелетел через мою голову, чуть не задев ее. Пашка шел впереди и лепил комок, а Ден где-то сзади, у него все время развязываются ботинки, и он отстает от всех. До дома два с небольшим километра, мы проходим их за полчаса, если идем без остановок, но только не в такую погоду, сегодня мы доберемся до дома только к вечеру, а всю светлую часть дня будем играть в снежки и мерить сугробы. Мы прошли вдоль школы

и завернули за угол, где находилась дверь в подсобное помещение, из которого есть проход в столовку и спортзал, это тыльная часть нашей школы, иногда, летом, когда эта дверь открыта, мы проходим через нее, чтобы срезать круг. Пашка остановился и стал ждать, когда подтянутся все остальные.

– Ну, что вы плететесь? – крикнул он, разводя руками.

Мы подтянулись и встали в круг, Пашка положил руку мне на плечо, а вторую протянул к Дену.

– Итак! – наклонив голову и прищурился глазами, тихим, хрипловатым голосом заговорил он: – Бэшки выйдут через урок, нам нужна крепость и запас патронов...

Сашка перебил его:

– Смотрите, санки! – и ткнул пальцем в дверь подсобки.

Мы обернулись, на пороге действительно стояли санки: старые, грязные, без спинки, с коваными металлическими полозьями. Длиннющая веревка, свернувшись словно питон, лежала в снегу. Санок ни у кого из нас не было, не то чтобы дефицит, но просто не сложилось. Отец еще в первом классе обещал подарить, но все как-то не до них. У Пашки отца и вовсе нет, у Сашки на санках возят младших в сад; Ден уже взрослый для них, вымахал выше матери, хотя ему всего 12, тем летом в качестве транспортного средства получил в подарок велик на больших колесах.

Сашка подошел ближе, чтобы посмотреть, Ден подхватил веревку и сунул мне прямо в руку:

– Слабо?

– Нет!

– Бежим! – скомандовал он и бросился прочь через поле наискосок по протоптанной дорожке.

Пашка тоже побежал, я был последний, а за мной, отставая на три метра, неслись старые, ржавые санки. Поле полностью просматривалось из школьных окон, наискосок метров 300–400, снега много, бежать получается не так быстро, как нужно. Казалось, наш побег длился вечно, я запомнил этот момент на всю жизнь: сердце колотилось в груди, ноги немели от страха и ужаса, мороз обжигал щеки и нос. Мы добежали до угла, завернули, чтобы нас не было видно и плюхнулись в снег в попытке отдышаться. Я бросил веревку. Изо рта шел пар, я лежал и смотрел в чистое голубое небо, на котором в тот день не было ни одной лишней точки.

Сашка перевернулся на живот и подполз к углу забора.

– Ну, что там? – спросил Ден. – За нами гонятся?

– Да! Милиция уже подъезжает! – засмеялся Сашка.

– И пожарка! – добавил я.

Мы шутили, но на самом деле всем нам было страшно, мы даже не представляли, какое наказание ждет нас за это импровизированное воровство, в случае если его раскроют. Мы отдышались, поднялись и стали думать, что делать дальше, Ден стоял на шухере. Я знал, почему это произошло, во всем было виновато слово «слабо»: с ним не поспоришь, его не победишь, оно имеет такую власть, что стоит только его произнести, как оно полностью завладевает разумом и все,

даже самые взрослые и сильные ребята склоняют головы и неумолимо выполняют его требования. А иначе ждет неминуемая расплата перед всей школой, это знают даже первоклашки!

– Давайте вернемся? – скромно, дрожащим голосом предложил я.

– Ты дурак? – Ден дал мне ногой по рюкзаку. – Представляешь, что с тобой сделает отец, когда ему позвонят из школы и директриса своим тонким, противным голоском расскажет о твоём сегодняшнем подвиге? У тебя еще с прошлого раза на заднице синяк, а ты хочешь новых? – Ден толкнул меня в сугроб, я бы устоял, если бы не портфель с книгами, они меня перетянули, и я завалился.

– Пути назад нет! – громко сказал он всем нам, щеки его еще больше порозовели, то ли от мороза, то ли от страха, он поправил куртку, вытряхнул снег из ботинка и дал команду бежать. Никто не посмел послушаться.

Мы зарыли санки глубоко в снег на склоне песчаного карьера, что находился на краю города, и поклялись молчать об этом, что бы ни случилось. Молчать вечно!

2

Всю ночь я не мог уснуть, ворочался с боку на бок, переворачивался на живот, потом обратно, поправлял задравшуюся футболку, пытался расслабиться – все было тщетно. И вот наконец-то, спустя несколько беспокойных часов, я провалился в глубокую темную яму. Сначала не было ничего – ни мамы, ни папы, ни директрисы, даже самого себя я не ощущал, чувство сродни тому, когда человек умирает и забывает все, что было с ним при жизни. Затем я увидел голубое небо – то самое, что запомнилось навсегда, оно было высоко и одновременно низко, прямо над моим носом. Я проснулся и тут же вспомнил про санки, сел на край кровати и начал слепо моргать в ночной темноте, будто бы в ней есть какая-то правда. Санки, снег, ребята, школа, дорога. Наши следы в гладком карьере видны издалека, мы думали, за ночь их заметет, но снег ни разу не шел с тех пор, а днем так солнечно и ярко, вдруг их найдут? Я стиснул зубы очень крепко, от этого свело челюсть. Вдруг мои глаза привыкли к темноте и я увидел темные силуэты мебели, стоящие в комнате. Все были привычные, кроме одного. Я подошел ближе и разглядел санки – те самые, что мы украли у школы и зарыли в песчаном карьере на краю города. Сердце заколотилось так же часто и громко, как и в тот момент. Я запаниковал, но свет включать не стал, потому что боялся разбудить маму и папу.

Дрожащей рукой я провел по холодному железному лезвию, снег таял и скатывался вниз словно слезы, или это и были мои слезы, вырывавшиеся из глаз навстречу страху? Проще умереть, чем узнать правду. Максимально заглушив панику, я стал думать так, как не думал никогда, даже на итоговой контрольной. Я решил одеться, взять санки и отправиться в карьер, чтобы снова захоронить там улику нашего преступления, но это было бы рискованно, так как повернуть это беззвучно не получится, еще и с санками в руках, а куртка и варежки сохнут в маминой комнате на батарее, туда пробраться бесшумно точно не получится. Придется идти без одежды, но дверь закрыта на ключ, открыв ее, я точно привлеку внимание, и меня сразу же поймают с поличным, еще и с украденными санками в руках. Папа вызовет милицию, потому что не станет скрывать такое преступление, оно ляжет темным пятном на его идеальную, прозрачную биографию, он откажется от меня, потому что не такого сына он хотел бы иметь. Мама промолчит и сделает так, как сказал папа, скрыв от всех свое чувство любви и сострадания ко мне, проигравшее папиной репутации. Нельзя так нельзя. Я вылезу в окно своей комнаты, это будет надежнее всего, меня никто не заметит, надену две кофты, нет – три, мне будет тепло. Но как спуститься вниз?! С санками?! А потом забраться обратно за третий этаж?! План провалился, я снова сел на кровать и начал думать еще сильнее. Если бы я был девчонкой, то мог бы громко заплакать и забить ногами, вытянув указательный

палец в сторону санок.

Начало светать, темно-голубой свет придавал санкам более отчетливую форму, багровая коррозия проступила словно кровь, они высохли, и я почувствовал специфический запах школьной столовой, он быстро распространялся по комнате и наполнял ее энергетикой страха и преступления. Времени оставалось мало, я схватил санки, открыл окно и выбросил их. Улика упала и беззвучно воткнулась в мягкий, как масло, сугроб. Я бросился в кровать, натянул одеяло на голову и мгновенно уснул.

Утром я проснулся вспотевшим, встал и медленно подошел к окну. Пока я отдергивал занавеску, чтобы посмотреть вниз, в голове моей разыгрывался сценарий сегодняшнего дня: там, внизу, в этой страшной пропасти уже наверняка куча полиции, они огородили находку красной лентой, чтобы зеваки не подходили и не портили снег, в нем может быть много улик, следовательно с собакой ходит вокруг сугроба, он говорит ей: «Мухтар, бери след!» Собака делает несколько кругов и с воем устремляется вверх, будто бы лая прямо в мое окно, я даже чувствую ее горячее зловонное дыхание около своего лица. В дверь уже стучат, папа идет открывать, остались считанные секунды – и его репутация рухнет... стук усиливается, но это стучат не в дверь, это колотится мое сердце в тот момент, когда я свешиваю голову из окна и смотрю – внизу ничего нет, только сугроб, на нем какие-то следы, я видел их еще вчера или позавчера, они точ-

но не свежие. Я пребываю в полном недоумении, потому что уверен, что это был не сон.

В школе все было обычно, ребята подрались, Пашку отправили к директору на разборки, а Ден убежал с последнего урока, потому что у него была записка от мамы. На самом деле он написал ее сам и весь последний урок провел на заднем дворе, дожидаясь меня, чтобы вместе пойти домой.

– Ты чего такой вялый сегодня? – толкнул меня Ден.

В этот момент мы завернули за школу и оказались в том самом месте, откуда вчера увезли санки. Все было обычно, ничего не предвещало беды, и тут я спорол глупость:

– Слушай, Ден, а может, вернем эти санки? Привезем их незаметно, когда стемнеет, оставим на прежнем месте и делов-то. Совесть будет чиста, спать будем спокойно.

Ден резко обернулся, ударил меня в лицо кулаком, схватил за грудки, потрянул так, что воротник с левой стороны затрещал, затем развернул и со всей силы толкнул в снег.

– Ты дурак, что ли? – сказал он тихим, низким голосом, таким, как говорит папа, заглядывая в дневник. – Хочешь нас всех сдать?

Яркий свет резал глаза, а кончики ушей тут же загорелись от мороза. Я не мог встать, портфель с книгами будто пригвоздил меня к земле.

– Не смей даже думать об этом! – я увидел розовый мокрый кулак перед своим лицом, он пах бензином и сырým табаком.

Затем Ден снова взял меня за грудки и поднял, словно пластмассовый манекен. Он безусловно сильнее меня, хотя я старше на месяц, и я не решаюсь ему возразить, нужно просто забыть эту дурацкую историю.

К вечеру я успокоился и уверовал в собственное убеждение, что все это был сон, что никаких санок в моей комнате не было, просто я очень мнительный и много воображаю, как говорит мама. Перед сном я задернул шторы и вдруг увидел на полу два высохших водяных следа от талой воды, как раз в том месте, где согласно моему сну стояли эти злосчастные сани. В горле пересохло, руки затряслись, я был в полном недоумении – это что, такая шутка? Издевательство? Но чья она? Может, папа все знает и таким образом пытается проучить меня? Но на него это уж слишком не похоже, он, скорее, выпорол бы меня ремнем и лишил всех удовольствий до конца четверти.

Я собрался, сделал глубокий вдох и составил план действий. Сначала я хотел все записать, но потом решил, что это лишняя улика, которую наверняка кто-нибудь случайно найдет, и тогда мне точно не поздоровится. Буду держать все в голове. Ночью я побегу в карьер. Мне нужно запастись теплой одеждой и едой, нет – еда не нужна, я же не на всю ночь уйду, а всего на час или два максимум. Моя голова высунулась из-за угла комнаты: перед сном мама идет к входной двери и закрывает ее изнутри на два оборота, затем отправляется в ванну, а после сразу в спальню. Я открою дверь в тот

момент, когда будет шуметь вода, этого никто не услышит, и ночью, когда все уснут, незаметно выберусь на улицу.

Я сделал все, как спланировал, дождался полночи, оделся и тихо, словно мышь, вышел из квартиры, прошел вдоль дома так, чтобы меня не заметили из окон, свернул в узкую мрачную аллею и бросился бежать. Темно, вокруг ни души, только оранжевые светящиеся пятна осуждающе смотрят на меня с высоты фонарных столбов, а снег под ногами похрустывает, будто бы посмеивается надо мной. До карьера я добежал минут за 40, еще минут 10 ушло на отдых, я выдыхал клубы струившегося пара, словно дракон, и любовался белоснежными волнами зимнего песчаного океана. Затем принялся за дело: рыл снег руками, ногами, носом и всем телом, но ничего похожего на санки не было. Я еще раз осмотрелся и попытался воспроизвести вчерашний день – вроде бы мы зарыли их именно тут, но, может быть, чуть левее или чуть дальше. Везде были наши следы, и, если честно, я не очень хорошо запомнил место захоронения, так как находился в состоянии шока или – как там говорится? – аффекта.

Час или два я рылся в снегу, но ничего, кроме чьей-то варежки, не нашел. Мокрый и потный, я вернулся домой и лег спать. Пока я не мог придумать никакого оправдания, кроме того, что всему виной моя мнительность и лучшее, что я могу сделать в этой ситуации, – переключиться. Например, на игру или на уроки, на что угодно – лишь бы не думать об этих санках.

3

Я вздрогнул, меня будто толкнули, я открыл глаза и вспомнил момент удара – у Дена очень сильная рука, щека до сих пор побаливала. Я посмотрел на часы – 4:15, можно спать еще три часа, повернулся на другой бок и тут увидел небольшой темный силуэт.

– Не-е-е-е-ет! – простонал я вслух и сгримасничал так, будто сейчас заплачу, натянул одеяло на лицо и сжался от пронзающего все тело страха, тысячи ножей вонзились в мое тело одновременно, спину жгло, я лежал на куче раскаленных углей и не мог шевельнуться – санки. Они стояли на том же месте и смотрели на меня лицевой решетчатой стороной. Полоски, словно тюремная камера, отрезали часть комнаты и заперли меня внутри моего собственного отчаяния.

Я снова начал думать, периодически зажмуриваясь и открывая резко глаза в ожидании, что санки пропадут, но этого не случилось. Решение было принято – утром, когда папа перед работой зайдет в мою комнату пожелать хорошего дня и увидит санки, признаюсь во всем, расскажу, как все было, и понесу достойное наказание. Я отвернулся от санок и натянул одеяло еще больше, ступни оголились и почувствовали холодный воздух. Запах школьной еды вызывал тошноту и рвотные позывы, тело было напряжено до предела, а мышцы на ягодицах сжались и засвербели в предвкушении ударов

ремня. Конечно же, ремень я стерплю, он даже «пойдет мне на пользу», как считают некоторые, а вот презрение ребят – нет. Я лучше умру, но не сдам остальных, расскажу, что сделал это один, и сам за все отвечу. Я уснул.

Следующим днем.

Школьный звонок резко и неожиданно ворвался в мое сознание – разбудил. Я открыл глаза и тотчас оторвал тяжелую голову от книги, ребята стояли вокруг меня, их лица отражали смех, губы беззвучно шевелились, я не слышал их, потому что звонок все еще продолжал раздражать мои барабанные перепонки. Тут все расступились и передо мной появился Ден, одетый в темно-красный свитер, связанный бабушкой на вырост, голова торчит из воротника, будто из песка. Он схватил меня за грудки и прямо в лицо проговорил: «Хватит спать, бежим в столовку!» – словно проскреб металлическим скребком по бордюрному покрытию, от него разило колбасой и белым сдобным хлебом. Я скинул все вещи в рюкзак и побежал следом за всеми. Это состояние было похоже на сон, я пытался восстановить свое утро дома, но мое сознание напрочь отказывалось, и тогда я решил, что, наверное, сейчас – это сон и утро дома еще впереди. Весь класс в привычном нам режиме торопился в столовую, обычно я плетусь сзади, но сегодня толпа поглотила меня и я оказался в самой середине, мне даже не нужно было шевелить ногами, меня толкали сзади так, что я прижимался к холодному кожаному

му портфелю Сашки, который в свою очередь нажимал на тех, кто перед ним. Мы вывалились на лестничный проем, и кто-то из первых упал, все последовали за ним, я прижался к Сашке и сгруппировался, пытаясь подготовиться к удару, но падение оказалось на удивление мягким и безболезненным, на меня сверху навалились еще несколько человек, а вот тем, кто упал первыми, не повезло – их стоны и крики вырывались из самого сердца человеческой кучи.

Когда я поднялся и отряхнул брюки, перед нами, словно железный занавес, выросли три силуэта: завуч, библиотекарьша и училка младших классов. Они втроем, будто апостолы нашей школы, всегда являлись в ненужном месте в неподходящий момент. Так было и в этот раз, они стояли и резали нас на части своими кровавыми глазами, пылающими досадой и презрением. Их голоса отражало эхо коридора и возвращало ко мне множество раз, тогда я понял, что все это явь, а не сон, и вновь попытался вернуться в утро. Вспомнил, как встал, как впопыхах собирался, натягивал брюки, запихивал в себя бутерброд и заливал его горячим чаем, кажется, я даже все еще чувствую неприятную шершавость на обожженном языке. Наверно, я просто забыл про санки, не заметил и они до сих пор стоят в моей комнате. Мама сегодня придет домой раньше всех, войдет в мою комнату и увидит санки, позвонит папе, он приедет с работы и...

Страх с новой силой охватил меня, словно электрический разряд пробежал по телу, ударил в ноги и вернулся обратно

в голову. По ногам неожиданно побежала горячая струйка, я обмочил штаны, не сильно, совсем чуть-чуть, но это было со мной впервые. Главное, удержать себя в руках, сделать глубокий вдох-выдох – так учил нас тренер по волейболу в летнем лагере – и взять паузу, чтобы подумать. Я так и сделал, но обдумать все не успел – завуч закончила речь, и весь поток гуськом двинулся дальше – медленно, но очень торопясь, ведь от большой перемены осталась только половина.

– Ты что такой бледный? – толкнул меня Ден своим мягким вязаным рукавом. – Испугался, что ли? Бегать больше не будем-бум-бум-бум, – сказал он и рванул вперед.

Сашка и Павлик тоже побежали, а я плелся сзади, самый последний в противоток первоклашкам, которые уже поели. Мне было стыдно, неприятно и очень страшно, что пятно на брюках могут увидеть. Тогда я придумал план. Мне нужно срочно уйти домой, этим я решу сразу две проблемы: мокрых штанов и санок. Сейчас дома никого нет, я успею избавиться от улики до появления родителей, высушу штаны и сяду делать уроки, никто ничего не заметит. Так и сделал: дождался, пока все рассядутся по местам, так, чтобы стол, где сидят ребята, был полностью занят, расстегнул рюкзак впереди себя, делая вид, что ищу важную вещь, например, пенал или кошелек с деньгами. Не нашел, отыграл возмущение, и быстро направился к выходу, проговаривая про себя только что рожденную в голове отговорку про забытые в классе вещи, на случай если вдруг Ден заметит мой уход. Он

всегда все замечает, даже когда сильно увлечен другими.

В этот раз мне повезло, никто не заметил моего ухода, я прикрыл за собой дверь в актовый зал, прошел по длинной, извергающей холод кишке школьной пристройки и завернул в раздевалку. Натянул сапоги и набросил куртку так быстро, как мог, будто бы она не моя и я снова ворую чужое. Вышел, осмотрелся. Мне предстояло самое сложное – проскочить незамеченным до выхода. Одетый в уличную одежду после третьего урока, я однозначно привлеку к себе внимание, и меня спросят: «Куда ты собрался, мальчик?!» На этот вопрос ответ пока не родился. Сердце заколотилось, я выглянул из-за угла – чисто! Закинул рюкзак на плечо и, далее полагаясь на судьбу, побежал, распахивая перед собой тяжелые деревянные двери школы, томящиеся под множеством слоев коричневой краски. Я бежал через поле, наискосок, навстречу вязкому снегу, холодному солнцу и обжигающей лицо свободе и не мог в это поверить. Казалось, что сзади за мной неслись проклятые, громыхающие, режущие снег своими острыми лезвиями санки, я не держал их за веревку, но они не могли отстать, за ними бежал Ден в своем красном вязаном свитере, за ним тройка апостолов в узких юбках и каблуках, за ними неслась мама в розовом домашнем халате и папа с портфелем и командировочной сумкой наперевес, а за ним вся его работа...

Я пытался остановиться, но не мог, ноги несли меня сами, несмотря на жжение в области мокрого пятна на брюках, ко-

торое к тому же стало холодным и вызвало ужасное раздражение.

Я остановился, отбежав от школы на километр, встал под большое дерево и, почувствовав, что план удался, начал приходить в себя. С дерева доносилось карканье вороны, я поднял голову вверх и увидел голубое небо сквозь заснеженные желто-красные листья клена, что не опали с осени. Где-то там сидела и птица, но ее я не видел. Сердце перестало биться, оно замерло вместе со всем вокруг, я осмотрелся – было непривычно тихо и безлюдно. Мне хотелось еще постоять, но я вспомнил про свой план и немедленно двинулся вперед, параллельно испугавшись того, что Ден, не найдя меня в школе, отправится на поиски и непременно окажется тут, словно по написанному сценарию.

Дома никого не было, я открыл дверь ключом, который мама оставила мне под половицей, и тихо зашел. Стянул ботинки и сделал несколько шагов в сторону своей комнаты. Тяжелый рюкзак сполз по плечам и брякнулся на пол. «Если эти злосчастные сани стоят в моей комнате, то я возьму их, побегу в лес и сожгу, пусть же сгорят дотла и навсегда отставят меня в покое!» – родил я новый, гениальный и, как мне казалось, очень вразумительный план. Я стиснул зубы так, что скулы закрипели, сжал кулаки добела и подошел к двери. Мои ноздри извергали горячие струи углекислого газа, вдыхая в ответ остатки мамино утренняя парфюма вперемешку с запахом мочи, исходящим от моих брюк.

Момент истины – я распахнул дверь в свою комнату, немного не рассчитав силы, дверь ударилась в стену и неспешно прикатилась обратно. Я вошел. Осмотрелся. Санок не было, и никаких следов их пребывания тоже. На секунду мне стало легко, я выдохнул и расслабил скулы, затем сел на кровать и представил картину, как мама и папа утром, после моего ухода, нашли санки, отнесли их в милицию и до сих пор сидят там, заполняя кучу разных протоколов и объяснительных бумажек! Папа опоздал на работу и невероятно сильно злиться на меня, повторяя себе под нос: «Ох, и получит он у меня!» Мама просто разочарована и будет ходить с грустным лицом весь вечер и следующий день.

Вечер.

Я намыливал штаны хозяйственным мылом и драил их жесткой щеткой, вода брызгала в разные стороны, образуя на полу пенную лужу. Мама и папа уже должны были быть дома, но их не было, наверное, задержались в отделении милиции, дело ведь непростое, надо все точно описать. Вдруг хлопнула входная дверь. Я выбежал из ванны и застыл прямо перед ними. Мама, сморщив усталое лицо на одну сторону, стягивала сапоги, папа стоял сзади и бормотал: «Сейчас он у меня получит».

Я не выдержал, пытаюсь возбудить в себе чувство самообладания, бросился в комнату и встал между шкафом и стеной, там, где папа хранит свои ненужные тубы с чертежами.

Тубы посыпались вниз одна за другой, выдавая меня.

Я поднял глаза, оба они молча стояли напротив и вопросительно смотрели на меня. Ягодицы горели, предвкушая удары ремня, мышцы сжались и стонали, желая, чтобы все произошло быстрее. Родители переглянулись, вопросительным кивком решая, кто из них начнет. Папа открыл рот, а мама в этот момент уже сказала:

– Мне звонили из школы! – быстро, возмущенно, рвано.

Папа снова набрал воздуха в грудь.

– Ты! Ты! Как ты мог? Мы с папой столько делаем для тебя! – продолжила мама, изменив интонацию на вымаливающую.

Папа вздыхал, будто сам говорил эти слова. Теперь и в школе все знают про санки, значит, Дена и остальных тоже поймали, и все это из-за меня. Я готов был стерпеть сто папиных ударов ремнем против одного удара Дена.

– Зачем ты сбежал из школы? – наконец-то произнес отец.

– Я хотел спрятать санки! – ответил я, уставившись взглядом в рисунок на ковре. Я бы придумал что-то получше, но у меня не хватило духа и фантазии, я был заперт в маленьком душном пространстве своего несовершенного тела.

– Какие санки? – спросили они в один голос и переглянулись. Я понял, что снова оплошал, но в целом ситуация не так плоха, как мне казалось.

– Никакие! – мои губы словно онемели и не хотели шевелиться.

– Так зачем ты ушел?

– Я заболел и хотел домой.

Такое было со мной впервые, я продолжал жадно впиваться взглядом в коричнево-зеленые хаотичные рисунки ковра. Мама что-то говорила, папа поддакивал, потом начал перебивать и возмущаться, они стали спорить между собой, их голоса переместились в кухню, тема сменилась, включился телевизор. Потом папа вернулся ко мне и попросил приготовиться к наказанию – это был ремень, а мама была против, утверждая, что нужно действовать методом убеждения, а не физически. Папа сам вырос «на ремне», уверовав в то, что это единственно верный метод. Но я точно знаю, что оба их метода совершенно не действуют, так как они и понятия не имеют о том, как обстоят дела на самом деле.

В этот день я получил 10 заслуженных ударов ремнем и лег спать без ужина за то, что самовольно удрал из школы без всяких причин. Я лежал и смотрел в темную пустоту, слушая, как соседи сверху передвигают мебель. Это не мешало мне, но заснуть все же не удавалось. Слезы текли по щекам, хотя обычно я не плачу, но именно сегодня я дал себе волю, и мне стало легче. Если я засну, эти санки снова появятся в моей комнате, а этого я не могу допустить, нужно бороться, и тогда я одержу над ними верх. Не буду спать, не буду! Не буду... С этим твердым решением мои веки потяжелели и я, как слабак, провалился в сон. А дальше было все то же самое, что и вчера, – я открыл глаза и увидел, как перед окном,

освещенные лунным светом, стоят те самые сани!

Я протер глаза и понял, что хорошо выспался – это было со мной впервые за последнее время, встал и подошел к окну. Обошел несколько раз сани по кругу, заглянул сверху – ничего необычного. Я вышел из комнаты и тихонько, на всякий случай, закрыл за собой дверь. Прошел на кухню, открыл холодильник и откусил от батона вареной колбасы столько, сколько влезло мне в рот. Потом откусил от сыра и снова от колбасы. В горле пересохло, сыр плохо проталкивался, я взял кувшин с водой и, запрокинув его, увидел через его дно плоский человеческий силуэт. Папа стоял в дверном проеме и смотрел на мои ноги, даже в ночном полупрозрачном свете холодильника были видны темно-синие пятна от его ударов. Его вид был растерянный и испуганный – мой точно такой же, но мысли совсем о другом – лишь бы только он не зашел в мою комнату! Папа сел на стул и попросил подойти к нему ближе, я хотел, но не мог, не мог сделать шаг, только и делал, что тяжело дышал и всхлипывал. Я был настоящим заложником этой ситуации, этой дурацкой, безвыходной, безнадежной ситуации... Собрав все силы в кулак, я мгновенно сорвался с места и рванул в свою комнату, закрыл дверь, приставил стул, придвинул тумбочку, пылесос, гладильную доску. Я перетаскивал все предметы, что мог поднять, и припирали ими дверь до тех пор, пока не убедился, что ее невозможно открыть. Затем сел на пол рядом с санками, поджал колени и начал раскачиваться, всхлипывая

так громко, как мог, от жалости к себе и нестерпимой боли в ногах и ягодицах.

Это был последний раз, когда папа прошелся ремнем по моей заднице, все последующее воспитание проходило по маминной технологии разговоров и убеждений.

4

– Звонок! – Крикнули несколько человек в один голос, залезли на парту и стали жестикулировать, будто у нас в классе есть глухонемые.

Затем Ден зашагал по столам, перепрыгнул через учительский проход и оказался прямо передо мной, стоя одним ботинком на учебнике по биологии, который и без того рваный.

– Бежим! – крикнул он и рванул, обложка отлетела и с шелестом пронеслась по классу, оказавшись под учительским столом.

«Теперь придется клеить», – подумал я, корячась под столом. Большая неожиданная тень подкралась сзади и накрыла меня с головой, словно одеяло.

– Не забудь приклеить, – прокомментировала она, прочитав мои мысли.

Я собрался и пошел вниз, когда все уже убежали вперед. «Интересно, Ден вообще помнит про санки? – думал я, волоча за собой рюкзак и еле-еле переставляя ноги: – Все ему сходит с рук». Злость на Дена копилась и нарастала как снежный ком. Мне хотелось подойти и врезать ему со всей силы, чтобы он упал, чтобы ему было больно, и сказать: «Это за то, что ты испортил мне жизнь своим глупым, бездумным поступком!» Я еще раз проговорил эту фразу про себя, пошлепав губами, стиснул зубы, сжал кулаки и прибавил ходу.

В столовой, перед самым буфетным окошком я нагнал их, схватил Дена за плечо и развернул к себе. Все застыли, Ден смотрел на меня, выпучив оба глаза как вареный рак, еще несколько секунд мертвой тишины, слышно было только, как сопят наши носы.

– Ты чего? – закричал Ден так громко, что все находившиеся в помещении перестали жевать и обернулись в нашу сторону.

Меня трясло, сначала внутренне, потом и внешне, так что это было видно всем. Кто-то сзади уже закричал:

– Драка! Драка!

Я разжал окаменевшую ладонь и выпустил из нее сжатый кусок свитера Дена, он расправил плечо и еще раз спросил:

– Ты чего?

Я растерялся, гнев отступил, и сквозь трясущиеся губы удалось произнести несколько слов:

– Санки помнишь?

Ден изменился в лице, наши позиции поменялись, теперь он держал меня за кофту на плече и говорил прямо в ухо, прикасаясь своими неприятными влажными губами:

– Еще раз ты вспомнишь о них, я вырву тебе язык и закопаю его там же, где эти санки, понял? – он говорил так тихо, что слышал его только я, а сзади уже собралась толпа, кричащая «Драка! Драка!».

Пашка и Санек стояли не шевелясь, словно манекены в магазине одежды.

– Понял меня? – еще раз переспросил он.

Я уверенно кивнул. Ден толкнул меня в сторону стола с грязной посудой, я врезался в него, и часть тарелок, сложенных стопкой, обвалилась. Можно было обойтись и без этого. Я снова не поел, потому что сначала собирал посуду, а потом писал объяснительную завучу, почему спровоцировал драку в школьной столовой. Вечером мне предстояло еще раз пройти унижительную процедуру объяснений перед папой и мамой, так как красная запись об этом горела на страницах моего дневника и была такой внушительной, что даже пропечатывалась на следующую неделю, этот случай наслои́лся бы на свежий вчерашний побег из школы и привел к недопустимым последствиям. Придя домой, я вырвал страницы с записями и, тщательно разорвав в клочья, смыл их в унитаз, ничего более толкового мне не придумалось, казалось, дело было сделано, но не тут-то было – вода подозрительно кружила по кругу унитаза и совсем не собиралась уходить вниз. Видимо, я поторопился и бросил слишком много бумаги одновременно. Следовало подождать, пока бумага размокнет, но времени на это совсем не было. Я спешно полез на антресоль за вантузом, с трудом представляя, как им пользоваться, видел всего пару раз, как папа, наклоняясь перед унитазом, делал возвратно-поступательные движения. Наверно, это не сложно, а иначе были бы специальные курсы по чистке унитазов от застрявших в них листков дневника. Очень высоко, мне нужно еще несколько сантиметров, я уцепился за

пакет и потянул его, из пакета посыпался разный хлам: запчасти от старого аквариума, фильтр, трубки, блоки для воздуха. Последним, ударившись об мою голову, вылетел и вантуз. Я спустился и не раздумывая стал повторять вспомнившиеся движения – ничего не получалось, возможно, нужно больше сил. Я выдохнул, протер неприятно влажный лоб и снова погрузился в унитаз. Брызги летели во все стороны, но бумага упрямо не поддавалась давлению. Стрелка на часах ползла вниз, словно растаявшее масло на тарелке. Вот-вот откроется дверь, и тогда мне точно не жить. Напрягаясь, я чувствовал, как зудят свежие синяки на ногах и ломит спина от сегодняшнего удара об стол.

Я понял, что в работе с вантузом главное – не скорость, а глубина погружения и величина давления, с каждым разом я улавливал маленький прогресс, у меня уже начало получаться и стало походить на рыбалку: еще пару минут – и рыба будет на крючке, мне даже стал нравиться этот процесс. Я сделал очередное возвратно-поступательное движение, надавил плавно что было силы и готов был выдернуть вантуз, как вдруг распахнулась дверь. Я обернулся и машинально дернул. Бумага вместе с тайным содержимым нашего унитаза вырвалась на поверхность и, словно профессиональный серфингист, на гребне волны, перехлестнув через край унитаза, выкатилась на пол. У мамы на лице застыл ужас, а папа ничего не видел за застывшим туловищем мамы, он просунул голову между ее рукой и стеной будто жираф и вопроси-

тельно посмотрел на меня.

– Я тут решил прибраться, – пришло мне в голову, но белые обрывки дневника предательски выдали правду.

Вечером, сидя за столом, папа перелистывал страницы дневника и подозрительно всматривался в сгибы, пытаюсь найти место, из которого пропали листы.

– Почему дневник не пронумерован? – обратился он к маме, оторвав проникновенный взгляд от стола, и получил в ответ немое пожатие плечами.

Мама пряталась за кухонной утварью, погруженная в свои дневные дела, не желая вникать в проблему. Она часто приходила домой словно робот с заданной программой, и любое отклонение от нее вводило ее ступор. А я знал – дневник нельзя нумеровать, нужно оставлять человеку право на личную жизнь, на такую, о которой никто не узнает, – озвучить эту позицию я, конечно, не решился. Весь вечер в нашем доме царил немая тишина, которую разрывал лишь шелест бумажных страниц. Это было вроде наказания, созданный траур призывал меня к совести и размышлению над своими действиями.

Наконец-то этот день закончился, мама вышла из ванной и, заглянув ко мне, отправилась спать. В комнате запахло кремом для рук и огуречной маской, это ее вечерний запах, он стал таким родным, что, если бы мне заменили маму, я попросил бы новую пользоваться этой же косметикой и вообще не заметил разницу. Я лег и начал думать о санках, пери-

одически остро и метко стреляя взглядом в то место, где они обычно появляются. А чтобы бы сделал Ден на моем месте, если бы эти санки явились к нему? Я повернулся на спину и уставился в потолок широко открытыми глазами. Ден бы не плакал, не убегал, не вырывал бы страницы и не бегал ночью по улице. Он просто подошел бы к этим санкам, прищулив один глаз и подняв бровь, сжал кулак и треснул бы своей жилистой рукой так... так... так... сильно! Что санки разлетелись бы на мелкие щепки. А потом он спокойно, без паники взял бы совок, собрал все обломки и выкинул их в мусор. Я представил это так красочно, что у меня перехватило дыхание. Обычно я не одобряю жесткие насильственные методы Дена, но именно в этой ситуации готов действовать любыми доступными мне способами.

Я открыл глаза – 4:15. По стене в лунном свете бежали темные пятна, отражая падающие хлопья снега за окном. Санки стояли на своем месте, я узнавал их по характерному запаху и холоду, исходящему от металлических лезвий, хоть они и стояли достаточно далеко от меня, холод я ощущал даже через одеяло. Я сжал кулак и разозлился, но этого было недостаточно для того, чтобы разнести санки в пыль. Я вспомнил Дена, как он ударил меня по лицу, вспомнил, как он выкрутил мне руку в прошлом году и я заплакал от боли, вспомнил, как он смеялся, поставив мне подножку, я тогда катился кубарем несколько метров и разодрал ногу так, что не мог ходить много дней. Воспоминания нахлынули на

меня разом, и наконец-то: все, что происходит со мной сейчас, – это тоже из-за него. Я сжал челюсти так, что в висках начало стучать, собрал весь свой гнев и вскочил с кровати – удар! Я пробил деревянную поверхность, и кулак вошел в пустое пространство. Раздался грохот, мне на голову повалились книги и прочий хлам, годами лежащий на шкафу, словно шапка. Дверь распахнулась, загорелся свет, и родители одновременно вбежали в комнату. Мама что-то визжала на своем паникующем языке, а папа бросился ко мне и вытащил мой окровавленный кулак из пробитой фанерной стенки шкафа. Кожа почти вся была содрана, но кроме жжения я ничего не чувствовал. Это из-за эмоций, я наконец-то победил эти санки, больше они меня никогда не потревожат. Их обломки остались под горой упавшего хлама, который можно заодно и выбросить!

– Что случилось? – спросил папа, пока мама промывала мою ободранную руку перекисью водорода.

– Мне приснился страшный сон, я убежал от монстра, – пробормотал я, залипнув на шипящих пузырьках крови («Врёшшшшшш, врёшшшшшш», – шептали они как будто наяву).

– Вот! Я же говорила! – укоризненно прокомментировала мама наконец-то вменяемым голосом. – Все эти игры и журналы до добра не доведут.

– Ладно, завтра разберемся, а сейчас надо спать, – закончив бинтовать мою кисть, папа снял очки и протер красные

глаза большим и указательным пальцами к центру.

Утро. Суббота.

Дверь глухо хлопнула, а телевизор продолжал бубнить какие-то утренние новости. Папа ушел по своим «выходным» делам, а мама все еще копошилась в кухне, но вскоре звуки стихли и дверь хлопнула еще раз – правда, по-другому: громче и быстрее, это мамин профиль – ушла по магазинам. У меня был час до их возвращения, чтобы убраться и собрать обломки санок. Я вскочил и не завтракая принялся за дело, жажда скорее избавиться от улик навсегда. Разобрал книги, тубы с папиными чертежами, собрал в коробку старые игрушки, вычистил разбитое стекло. Жертвой оказался фарфоровый набор посуды, подаренный кем-то на юбилей, он уже лет десять жил то в одном шкафу, то в другом, словно платяной призрак. Набор совсем не жалко, освободилось место под коньки. Уборка закончена, но никаких признаков сломанных санок я не обнаружил. Им снова удалось меня обмануть, и я не понимал, как они это сделали. Собрав мусор, я надел шапку, влез в папины валенки и вышел на улицу. Белизна резала глаза, снежные сугробы блестели, как алмазные горы. Люди, закутанные в теплую одежду, одиноко бродили в просматривающейся насквозь парковой зоне. Я выбросил мусор и, похрустывая резиновыми калошами, отправился домой.

Весь оставшийся день я проспал, мама несколько раз за-

ходила в мою комнату и трогала мне лоб холодной ладонью, я чувствовал ее где-то очень далеко и не мог даже пошевелиться в ответ.

Я выбрал неправильную тактику! Агрессия не дала никакого результата, что натолкнуло меня на мысль действовать иначе – я отвезу их обратно к школе, когда они вернуться на свое место, им не нужно будет больше являться ко мне по ночам и мучить меня, взывая к совести за содеянное. Я снова разработал план побега из дома ночью, все просчитал, подготовился и лег в кровать частично одетым. Уснуть не удалось, потому что я вспотел, а дурные мысли не давали мне расслабиться. Всю ночь я ворочался с боку на бок, ожидая их появления, но ничего не произошло, моя комната осталась пустой до самого утра, с рассветом я стянул мокрую, пропитанную потом одежду и уснул. Весь следующий день я чувствовал облегчение в надежде, что санки больше не явятся ко мне. Может, они сами нашли дорогу домой, а может, просто испугались, увидев, каким я могу быть, если меня разозлить. Так или иначе мысли об этом подбадривали и мне удалось вернуться в реальность, сосредоточиться на учебе, получить четверку по биологии, двойку по истории и, как бонус, удар в бедро от Дена. Удар предназначался не мне, просто я оказался в ненужном месте в ненужное время и принял его на себя.

За обедом характерный запах еды, витающий в стенах актового зала, навеял мне воспоминания о ночных кошма-

рах, он был идентичен тому, что появлялся в моей комнате вместе с санками. Я занервничал и начал крутить головой, осматривая помещение позади себя.

– Ты чего? – тут же заметил Пашка, сидящий напротив с набитым ртом. Он откусывал такие большие куски, что его челюсть не могла полностью сомкнуться. – Спер, что ли, булку? – решил он.

– Нет! – возразил я так уверенно и звонко, что мой голос отскочил от больших стеклянных витражных окон, словно мяч, и ударился о наш стол.

– Ладно, ладно, я же пошутил! – проговорил он, пережевывая еду, что утрамбовалась у него во рту.

Я сделал вывод, нужно быть более бдительным по отношению к своим эмоциям, чтобы они случайно, как сегодня, не выдали меня. Я еще раз прокрутил все произошедшее в голове и задумался об этом запахе. Почему от санок воняет едой? Я мысленно вернулся в тот роковой день и прошелся по логической цепочке: санки стояли у задней двери, которая ведет в столовую, значит, они связаны непосредственно с едой, поэтому от них так и воняет. Гениальный вывод. Внезапно в мое сознание ворвались воспоминания, отпечатавшиеся незадолго до дня X: в те дни выпало много снега и мы до вечера играли на школьном дворе, санки тоже стояли около задней двери. Далее: в тот день, сразу после каникул, когда я опоздал на первый урок и со всех ног несся наискосок по полю, – они тоже стояли. Воспоминания, словно пазл, со-

брались воедино, и передо мной предстала истина: это санки нашей кухарки, она возит на них остатки еды домой. Я даже вспомнил, как видел ее по дороге, она шла мне навстречу, согнувшись пополам, а за ней на длинной веревке ползли нагруженные помоями сани. Меня прошиб пот, и я снова обмочился. Это произошло рядом с домом, и шанс, что кто-то увидит, был минимальный. После того как я переоделся в сухое и проанализировал все, что вспомнил сегодня, решил действовать по совести, если вдруг санки еще раз явятся ко мне.

Всю ночь я ждал их, ворочаясь с боку на бок: принимаивался, вглядывался, прислушивался, но санок не было. Не появились они и в следующую ночь, и через одну. Уставший от мучительных ожиданий и угрызений совести, я вспомнил, как ударил в шкаф ночью, собрав в кулак всю злость и обиду. «Наверное, все же способ Дена действует», – думал я по дороге в школу. За несколько спокойных ночей мне удалось отоспаться, я перестал быть бледным и усталым, тело стало легче килограммов на десять и я начал забывать эту ужасную историю.

В столовке сегодня непривычно много людей: слева толпятся льготники, получающие обед бесплатно, а рядом, словно волки к овцам, подкрадываются ребята из старших классов, желая полакомиться казенной котлетой и пирожками с повидлом. Я повидло не люблю, оно ужасно пахнет и всегда капает на брюки и в рукава. Встав в очередь, я огля-

делся и увидел, что наши все уже сидят, махнул им рукой – мол, и меня подождите. Очередь продвинулась, я заглянул в открытое деревянное окно кухни и положил локти на подоконник, чтобы подтянуться и прочесть меню на сегодня. Оно обычно висит так, что ничего не разобрать издали.

– Убери локти и говори, что тебе? – тут же сказала помощница кухарки, разливающая суп по тарелкам.

– Ватрушку с творогом, – протянул я деньги, уставившись в глубину кухни.

Большая кастрюля кипела и булькала, охваченная синими языками пламени. Помощница исчезла с глаз, меня то и дело толкали в спину сзади стоящие со словами «давай быстрее», потом кто-то ударился о мою ногу и упал, в очереди образовалась драка среди первоклашек, не поделивших учебник. Кто-то заплакал. Я обернулся, чтобы посмотреть, а в окне появился огромный извергающий горячее дыхание силуэт. Я, испугавшись, вздрогнул. Это была та самая кухарка, ее огромная грудь выступала на полметра вперед, обтянутая белым заляпанным передником, она чуть было не касалась моих кистей. Я отнял руки и посмотрел ей в глаза, она тоже смотрела на меня. Ее зрачки, очень маленькие, заплывшие некрасивой морщинистой кожей, и красные, кровавые веки резали меня на куски. Я замер. Она, будто змея, пустила своим взглядом яд мне под кожу, парализующий все тело. Сзади опять толкнули, я не успел сгруппироваться и ударился подбородком о косяк. Это привело меня в чувство, и я уви-

дел большую вздутую руку кухарки, протягивающую мне ватрушку с творогом. Сделав над собой усилие, я потянулся и взял ее. Кухарка продолжала безмолвно смотреть мне прямо в душу, будто читая все мои мысли, а тихий, низкий голос ее змеиной сути прошептал прямо у меня в голове: «Я знаю, что это сделал ты... ты... ты...» Вокруг меня воцарилась тишина, казалось, ее шепот околдовал всех находившихся в столовой. Ватной рукой я взял теплую, мягкую ватрушку и развернулся в зал. Передо мной стояла троица апостолов в юбках и туфлях на каблуках. Обычно их цоканье слышно издалека и можно успеть затормозить, если бежишь, и поднять портфель, если кидаешься им, или, например, прекратить драку. Но сегодня они явились абсолютно бесшумно, словно влетели по воздуху. Я испугался еще больше, потому что решил, что они тоже слышали этот голос в своих головах и сейчас начнут разбирательство, тогда кара неминуемо постигнет меня и всех остальных по моей вине. Я почувствовал, как потеплело в штанах и бросил все силы на то, чтобы сдержаться, при этом я открыл рот и стал жадно глотать пропитанный запахом еды воздух. Большой палец моей руки прошел ватрушку насквозь. Мне удалось сдержаться, я отошел в сторону и блаженно поблагодарил Бога за удачу в таком деликатном деле. Тут же ко мне, как вороны, подлетели Пашка, Санек и Ден. Они на лету разломали мою ватрушку и проглотили, оставив на полу несколько белых крошек. Прозвенел звонок, и все хлынули в класс, кроме тех, кого апосто-

лы отчитывали за драку. Я бросил взгляд в окно кухни и понял, что кухарка продолжает осуждающе за мной наблюдать, я опустил взгляд на пол – еще и эти крошки. Нагнулся и собрал все, что осталось от ватрушки, я даже готов был снять кофту и вымыть ею пол, если бы это помогло избавиться от тяжелой, совестной ноши.

Вечером я лег спать немного раньше обычного и, не успев подумать о сегодняшнем дне, уснул. Мне снились сны, все разные и бессмысленные, скорее, несвязные фрагменты каких-то событий, происходивших со мной днем. Такие сны не дают выспаться, заставляя просыпаться и анализировать, с научной точки зрения это называется «выспался посреди ночи». Наконец, я перестал бороться с собой и решил взять книгу, прочесть что-нибудь из пропущенного в этой четверти. Протянул руку вверх, нащупал маленький карманный фонарик и тут почувствовал знакомый запах еды. «Наверно, это от меня так пахнет», – подумал я вдруг, но нет – это воняли санки, неожиданно заявившиеся в гости после небольшого перерыва. Я посмотрел, убедился в том, что это они, и рухнул лицом в подушку. «Я больше не могу-у-у-у-у», – промычал я в нее и заплакал. Дал волю чувствам. Иногда это можно делать, но только наедине с самим собой. Я вытер слезы и собрался с силами взглянуть прямо в лицо ответственности за содеянное, что преследовала меня в кошмарных ночных появлениях. Я тихо и быстро оделся, взял санки и вышел из комнаты. Родители спали за закрытой дверью, я

крался по коридору словно вор, хватая на ощупь верхнюю одежду. Слышно было, как стучит сердце и цокают зубы, даже в стиснутом состоянии.

Дверной замок щелкнул, я замер, вслушиваясь в ночную звенящую тишину. Реакции не последовало, тогда я так же осторожно открыл дверь и прошмыгнул в подъезд, быстро оделся и пошел вниз. Половина лампочек перегорела, лестничные проемы окутывал таинственный полумрак, нашептывающий мне какие-то непонятные слова из моих снов. Вдруг внизу хлопнула входная дверь, я испугался и что было сил вдохнул носом, замер не дыша. Шаги поднимались вверх по лестнице, я продолжал стоять, обнимая санки обеими руками, и продумывал пути отхода: назад домой – не вариант, убежать вверх тоже – всего пять этажей, человек может подниматься на пятый, тогда я и вовсе окажусь в ловушке. Лестничные проемы сокращались, а идей не было: может быть, в окно? Там козырек, но до окна просто так не дотянуться, тем более с санками. Поздно – мужчина завернул и подошел к двери на втором этаже. Он задрал голову и возмущенно посмотрел на меня. Я поздоровался и прошел мимо него, делая вид, что сейчас не три часа ночи, и мне не 12 лет, и в руках у меня не украденные санки. От него разило спиртным, взгляд был плавающим, как у нашего школьного завхоза. Обычно таким людям не важно, что происходит вокруг, а если и нет, то они все равно не успевают среагировать на происходящее. Я выбежал и понесся прочь, санки на длинной тряпичной ве-

ревке, извиваясь и подлетая на кочках, неслись за мной. Они догоняли меня на пологих склонах дороги и отставали в горку. Ночь была теплая, я проваливался в мягкий мокрый снег, желающий проглотить мои сапоги. Очень быстро я оказался у школы, пересек поле наискосок и подошел к заднему входу. Утром кухарка придет в школу и обнаружит свои санки, заберет, и они больше не будут приходить ко мне – план был гениальным, почему только раньше до этого не додумался?! Такой тишины у школы я еще никогда не наблюдал, даже захотелось насладиться этим моментом, но я не стал мешкать, чтобы не нажить себе новых проблем. Поставил санки точно так, как они стояли в тот день, сложил аккуратно веревку и пошел досматривать свои чудные сны-фрагменты.

6

Вечером следующего дня я ввалился домой в половине десятого и рухнул от усталости на пол, к телу прижималась неприятная мокрая одежда, пропитанная потом и талым снегом. Так бывает всегда после нескольких часов катания на горке без перерыва. Не вставая, я начал стягивать сапоги, из них вывалился скомканный мокрый снег, затем я поднялся и стал стягивать куртку и брюки, на полу образовалась лужа, которую мама сразу же попросила убрать, крикнув об этом с кухни. Я убрал и направился в свою комнату, как неожиданно услышал холодный папин тон:

– Нужно поговорить, переоденься и зайти на кухню.

Я сделал вид, что не услышал, чтобы выиграть время. Это все двойка по истории, наверняка кто-то из тройки апостолов позвонил папе или маме на работу и все доложил. Нехорошо, нужно было признаться самому, было бы лучше. Я взъерошил рукой мокрые волосы, чтобы они быстрее просохли и, словно на казнь, медленно проследовал к отцу.

– Садись, – тут же предложил он стул. – Как у тебя дела?

– Хорошо, то есть не очень, точнее, все хорошо, но вчера я получил плохую оценку и не сказал.

– По какому? – мама оторвалась от книги и, приспустив очки на нос, посмотрела на меня.

– По истории, – в горле встал комок из загустевших слю-

ней. – Нет, по биологии, – тут же исправился я, – или по географии.

Все дни смешались в один, предметы казались неразличимыми, учителя, будто клоны, повторяли друг друга. Все смешалось в один большой ком неразберихи.

– Ты не помнишь, по какому предмету получил оценку? – папа сдвинул брови, и они с мамой возмущенно переглянулись.

– Я просто готовился к олимпиаде, и в голове все смешалось, – тихо сказал я, опустив глаза в пол.

– Я хотел поговорить о другом, – продолжил отец, скрестив руки на животе, – наш сосед со второго этажа...

С этих слов я начал слышать папу, будто он говорил из глубокого-глубокого колодца, его дрожащий голос расслаивался и, отражаясь тысячи раз, доносился до моих ушей.

– ...Видел тебя ночью, – закончил он. Образовалась пауза.

– Это был не ты? – уточнила мама.

– Это был не я, – уверенно подтвердил отрицательным кивком головы.

– Ты спал дома? – еще раз переспросил папа, желая убедиться. Он заглянул в мои глаза, устремленные в пол, будто бы там есть подсказка.

– Я спал дома, – процитировал я еще раз утвердительно.

Какая-то тавтология получилась, подумалось мне, когда родители отпустили с допроса, можно было придумать что-нибудь вразумительное и внушающее правду. Но я слишком

сильно устал, меня застали врасплох – это казалось достойным оправданием. А сосед не такой-то безобидный, как мне показалось, теперь буду обходить его стороной.

Я уснул спокойно, зная, что санки вернулись домой к своей законной владелице и больше не побеспокоят меня. Посреди ночи с крыши начал падать талый снег, он звонко ударился о подоконник, затем глухим шлепком падал вниз. От этого я проснулся и встал, чтобы посмотреть в окно. Опешив от удивления, я замер – они опять стояли посреди моей комнаты. «Не сработало!» – прошептал я, плюхнулся на пол и, не меняя позу, просидел почти до утра, раздумывая над происходящим. Доносился шум проезжающих скорых поездов и шелест автомобильных колес, что проносились мимо нашего маленького ночного города. Я устал, и ничего, кроме как спрятать санки в шкаф, не пришло в голову.

На первом уроке я сидел как на иголках и думал о том, что может происходить дома. Хоть бы они стояли там тихо, хоть бы мама не зашла в мою комнату... Почему же они вернулись? Видимо, санки не дождалась кухарку и снова вернулись ко мне, все пошло не по плану. «Возможно, тайный шепот кухарки подскажет мне ответ, нужно срочно бежать в столовую», – решил я и сорвался с места. Вдруг в классе образовалась тишина, я подбежал к двери и обернулся, будто бы вернулся в реальность, – все молча уставились на меня, и только возмущенная учительница с недоумением промолвила:

– Васин, ты куда?

– Я думал, что урок закончился, – выжал я, пытаюсь выкрутиться.

Учительница бросила взгляд на часы и кивком головы указала сесть на место, до звонка оставалось еще 17 минут, это чуть меньше половины урока. Все засмеялись, выкрикивая разные неприятные слова в мой адрес, это продолжалось, пока математичка не взяла линейку и не треснула ею по столу так, что удар отразился на барабанной перепонке и на время оглушил меня. Очередная красная запись в дневнике неизбежна. После урока я щемился в коридоре, ненавидя себя за слабость и неумение совладать с собой. Папа всегда говорит мне, что надо ставить планку выше и тянуться к ней что есть силы, но пока я не могу решить свои проблемы и поделиться ими мне тоже не с кем. Я точно знал одно: я не придурок, не убудок и не дебил – каким считали меня окружающие и Ден, потому что я сорвал урок, а на это право есть только у него, как у главного в классе. С того дня меня сделали изгоем, Пашке и Саньку нельзя было даже здороваться со мной, мой портфель гоняли по классу будто мяч и кричали, что он заразный, все кому не лень толкали меня и плевали на спину. Это я переносил не так сложно и болезненно, как бесконечное появление украденных санок.

10:00. Столовка наконец открылась, тяжелые деревянные двери распахнулись, испустив клубы зловонного запаха по всему первому этажу. Я аккуратно протиснулся и затерялся

в толпе первоклашек, они несли меня, как муравьиная стая сухую веточку в гнездо. Я заглянул в открытое окно кухни и оглядел ее: в котлах бурлило привычное варево, помощница кухарки резала хлеб большим ребристым ножом, горы чистой посуды, поблескивая, выстроились рядами, похожими на армию солдат, идущую в бой.

– Что тебе? – услышал я голос. – Что? Говори же?

Она стояла прямо передо мной, кажется, еще ближе, чем в прошлый раз, и ждала. Ее глаза показались более прозрачными, брови хмурые, кожа желтоватая, губы ссохшиеся и бледные, как у покойника, хотя покойника я никогда не видел, только в кино. Она лишила меня дара речи своими колдовскими чарами и парализовала ядом. Первоклашки толпились вокруг, наступая мне на ноги и дергая за лямку рюкзака.

– Я хотел спросить! – мое замороженное тело издало произвольный звук.

– Что ты делаешь здесь? А ну, марш в коридор! – перед моим лицом пронесся указательный палец учительницы младших классов, я понял, что она обращается ко мне.

– Ваша перемена следующая! – возмущенно продолжила она, как будто я что-то украл.

«Украл, да, но не у нее», – думал я, выходя вон, пробираясь сквозь муравьиный рой, кружащий вокруг меня с тарелками, наполненными кислой томатной солянкой.

После пятого урока мне в голову пришла новая идея – я

решил подкараулить кухарку на улице и посмотреть, как она справится с ведрами. Запах солянки все еще исходил от моего воротника и раздражал вкусовые рецепторы. Я перелез через сугроб, что разделял спортивную площадку пополам, огляделся и скинул портфель, усевшись так, чтобы видеть заднюю дверь столовой и дорогу, что вела из школы. Шансов упустить вышедшего человека из здания практически не было. День стоял теплый, многие остались гулять во дворе, бэшки строили крепость и, увидев меня, зазывающим жестом позвали на помощь. Мне очень захотелось подскочить и броситься к ним, играть дотемна, не думая ни о чем, но я не мог. Мне нужно было – очень, очень нужно! – решить эту непростую головоломку. Я привстал, махнул им рукой и с грустью отрицательно покачал головой – мол, я бы с радостью, но не сегодня.

– С бэшками задружился? – спросил Ден.

Они с Пашкой и Саньком неожиданно выросли за моей спиной, словно три гриба. Не успев открыть рот, я, как пуля из пистолета, вылетел вперед, пропахав лицом снег.

– Нет, – ответил я, поднимая голову, – ничего не задружился!

– Говори правду, когда тебя спрашивают! – Ден тут же оказался рядом, словно коршун, впившийся в жертву своими когтями, чтобы добить ее. – Что тут делаешь?

Пока в моей голове созревала мысль, я получил очередной удар ботинком в лицо. В глазах потемнело, во рту по-

явился соленый железный привкус. Я открыл глаза, из носа побежали алые капли крови, они растворялись в белом горящем снегу одна за другой, будто наперегонки. Впервые я видел столько крови в своем носу и не знал, что делать. Сашка испугался за меня и хотел предложить помощь, рискуя оказаться по другую сторону баррикады, но вовремя опомнился, Ден посмотрел на него, как бык на красную тряпку, немного помедлил, а затем скомандовал:

– Не трогай его, пусть сам встает.

Я пытался подняться, но у меня не выходило, земля и небо будто поменялись местами, я тянулся вверх, но упирался головой в землю, затем пытался лечь на снег и опрокидывался на спину. «Что со мной?» – глаза резал ужасно яркий свет, не открыть. Неожиданно подбежали ребята из параллельного класса и начали меня поднимать, я сопротивлялся, потому что думал, это Ден – хочет довести дело до конца. Затем я услышал голос училки, она бежала ко мне с застывшим ужасом на лице, я сумел разглядеть ее и еще несколько человек, бежавших за ней, после чего обессилено плюхнулся в кровавый сугроб. Взял снег в руки и приложил его к переносице, он тут же покраснел, я бросил и взял новый, но это тоже не сработало. Учительница подхватила меня под руку и повела в школу. Я держал нос рукой, чтобы он не отвалился, а кровь продолжала струиться, заливаясь в рукав. Перед самым входом в школу я поднял глаза и увидел выходящую кухарку – завернутая в огромную шаль, она походила на злобную ка-

рикатурную матрешку. Я посмотрел прямо в ее маленькие заплывшие глаза, при свете дня они были еще более страшными и угнетающими. Она в ответ посмотрела на меня, но ни капли жалости или сострадания не отразилось на ее лице.

– Так тебе и надо! Получил по заслугам, – прошептал ее змеиный голос прямо мне в ухо.

– Но я ведь не виноват, только хотел все исправить! – я застонал от несправедливости и со злостью вырвался из объятий учительницы, что вела меня. – Дальше я сам могу, – прошлепали мои кровавые губы.

Наша встреча длилась всего пару секунд, не больше, но позже мне показалась, что прошло не менее получаса нашего немого общения.

В медицинском кабинете мне остановили кровь, вкрутив в нос шипящие ватные тампоны, медсестра суетилась, будто делала мне трепанацию черепа, бегала вокруг так быстро, что голова снова начала кружиться и я почувствовал резкий приступ тошноты. За это время училка успела обзвонить моих родителей и вызвать неотложку, на которой меня отвезли в больницу. Там я провел одну ночь, мне сделали рентген головы и наложили повязку на лицо. Оказывается, оно тоже пострадало, но я узнал об этом только утром, когда проснулся и не смог открыть глаза. Еще несколько дней отек стойко держался на моем лице, позволяя мне видеть сквозь узенькую щелку. Значит, Ден не соврал, когда говорил, что носит настоящие армейские ботинки, которыми можно убить с од-

ного удара.

Всю следующую неделю я провел дома, лежа в кровати, глядя на больничную выписку, в которой было написано, что я получил сотрясение мозга и перелом переносицы. Мама специально положила ее рядом и не разрешила убирать, таким образом она хотела призвать меня к ответственности и попытаться выпытать правду о случившемся. Ах, если бы она знала про санки, то поняла бы, как глупо и безобидно пытаться пронять меня больничным листочком.

Воспользовавшись своей травмой, я заявил, что потерял сознание на школьном дворе и не помню ничего, что произошло со мной в тот день, кроме того, как вышел из школы и направился домой. Моя версия звучала достаточно правдоподобно и уверенно, она передавалась из уст в уста, словно сказка, приобретая все новые вероятные повороты произошедших событий, которые выдавало мамино воображение каждый раз, когда она снова и снова рассказывала об этом по телефону. Я не видел, а только слышал ее звонкий голос и чувствовал долетающие до меня колебания воздуха ее жестикулирующей руки.

Каждую ночь санки продолжали навещать меня и охранять мой сон ровно до рассвета, их выдавали запах и сверкающие в лунном свете лезвия. Я перестал закрывать шторы на ночь, чтобы рассвет быстрее пробирался в мою комнату и прогонял незваных гостей.

– Подождите немного, скоро я выздоровею и верну вас

домой, – шептал я им каждую ночь. – Честное слово даю!
Честное!

Через пару дней я почувствовал себя лучше и меня выписали в школу. Накануне вечером в дверь кто-то постучал, мама открыла, а затем зашла ко мне и сказала: «Это к тебе!» Я удивился и даже не смог сразу представить, кто бы это мог быть. Я перебрал всех одноклассников и ребят из параллельного класса, пока натягивал штаны, но не угадал ни разу. В прихожей меня ожидал Ден. Он стоял словно огородное чучело – в куртке, что больше, чем его тело, на три размера, шапке, натянутой до глаз, и армейских ботинках, которыми он так быстро и четко отправил меня в больничный покой на целые две недели. От его вида переносица немного засвербела и по телу прокатилась неприятная дрожь. «Наверное, – подумал я, – Ден пришел извиниться за случившееся». В конце концов, мы дружили почти всю жизнь, а если быть точнее, то с первого класса. И даже однажды были очень близки, когда летом все ребята разъехались, а мы остались в городе вдвоем и все летние каникулы провели на стройке, в поле и в карьере. Я как-то раз даже спас Дена от смерти, схватив за руку в тот момент, когда пласт земли под ногами обвалился. Вытянул его за локти, хоть это было не в моих силах, но я смог, я бы не отпустил его, даже если бы пришлось полететь вниз вместе, потому что считал его другом.

– Надо поговорить, – без приветствия, сухо проговорил

он, глядя из-под шапки.

– Пройдем в мою комнату! – сказал я воодушевленно.

«Предложу ему сыграть в карты или в карточки», – подумал я, и это оживило мое настроение.

– Нет! – четко проговорил он. – Выйдем на улицу.

– Хорошо, я только оденусь, – послушно согласившись, я набросил куртку, запрыгнул в валенки, и мы вышли. Свежий холодный воздух наполнил мои теплые легкие, в сумеречном свете снег казался серебристо-прозрачным, что придавало ему волшебный оттенок. Ветра не было, людей тоже, мы будто очутились в картине, написанной маслом.

Я выдохнул вверх длинную струю пара, Ден встал напротив, так близко, что на его носу оказались несколько маленьких круглых капель.

– Растрепал? – спросил он так же сухо.

Я отшатнулся назад и вновь почувствовал жжение в носу, вспомнив удар.

– Растрепал всем? – повторил он, провалившись в темноту своего огромного капюшона.

– Нет! – уверенно покачал я головой.

– А что сказал? – Ден сделал шаг вперед в мою сторону, и его лицо оказалось в зоне освещения фонаря, что возвышался над нами.

– Сказал, что ничего не помню, память отшибло, – я говорил несвязно, потому что смотрел на Дена, а моя душа холодела от ужаса.

Его глаза были совсем не такие, как обычно, они были старые, красные, морщинистые и отекавшие. Это были глаза кухарки. Да-да – это они! Их ни с чем не перепутать, этот взгляд я знаю как никакой другой. По правой ноге спустилась теплая тонкая струйка, так осторожно, что, кажется, даже не задела штанину. Я замер от ужаса.

– Смотри мне – будешь болтать, вырву тебе язык и повешу на доску перед всем классом, чтобы знал, как распускать слухи, – звук прошипел из плотно закрытого рта Дена.

– Да, я понял, – судорожно произнес я так тихо, что даже сам себя не услышал.

Я не мог оторваться от его ужасного, мерзкого лица, оно было похоже на уродца, восставшего из могилы, или лепрекона, что живет в Ирландии. С каждой секундой он становился все страшнее и отвратительнее.

Ден толкнул меня, чтобы привести в чувства.

– Что ты понял? – он сдвинул брови, и его лицо вновь погрузилось в темноту, а голос стал прежний.

– Про твой язык, про свой язык, про класс, про доску... – бормотал я.

– Ты точно рехнулся после удара, тебе надо еще полежать дома! – покрутив пальцем у виска, он развернулся и скрылся в темноте. Еще некоторое время было слышно, как хрустит снег под его тяжелой походкой.

Я вернулся домой, тихо, как мышь, открыв дверь, чтобы не привлечь внимание, но мама уже ждала меня в проходе.

– Ты чего такой бледный? – тут же заметила она.

Помогла снять куртку и проводила в комнату. Мне очень хотелось, чтобы она поскорее ушла, дав возможность сменить мокрые штаны без всяких вопросов, но она как специально оставалась со мной до самой ночи, я лежал и терпел раздражительный зуд, неприятный запах мочи, унижение и страх. Слезы накатывались на глаза, но я держался, пытаюсь делать вид, что засыпаю. Мама села на край кровати и стала читать мне книжку про пиратов, которую я очень любил в детстве, я знал ее наизусть, но каждый раз слушал с удовольствием и по-новому относился к героям и их действиям. Глаза мои поистине начали слипаться, все плохое отступило, и штаны, кажется, стали сухими. Вдруг почувился знакомый запах – я приоткрыл один глаз и увидел за маминым плечом санки. Они стояли на своем привычном месте и все так же безжалостно смотрели на меня. Вспомнился момент, как я подхватил веревку у школы, удивительное голубое небо, что было в тот день, слова Дена. Все это пронеслось в моей голове как вспышки яркого света, и я уже почти не слышал мамин голос. Страх снова охватил меня, словно морозный ветер, закрутил в своих объятиях и унес далеко-далеко. Я пытался придумать, что сказать маме, когда она обернется и увидит санки, устав от лжи и собственного бессилия, я заплакал, слезы беззвучно катились по щекам и утопали в подушке, я отвернулся на другой бок. «Лучше бы я умер в тот день», – проговорил мой внутренний голос. Мама замолча-

ла, она тихонько встала, выключила свет и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Может, она не заметила их, а может, подумала, что это санки Дена, который заходил сегодня. Завтра я скажу, что ничего не помню: пока моя переносица заклеена пластырем, эти слова звучат из моих уст уверенно и правдоподобно.

Когда я проснулся, штаны были полностью сухие, но ужасно воняли, запах впитался даже в одеяло и простынь. Я быстро переоделся и, наклонившись к санкам, сказал:

– Куда же вас отвезти, а? Хоть бы намек или подсказку какую-нибудь дали, а то стоите тут молча, важные! Надоели вы мне, всю жизнь испортили, – говорил с ними, изливая душу и будучи уверенным в том, что они меня слышат. – Я не знаю, что с вами делать и что вам надо! Да, я поступил ужасно, когда схватился за веревку, ужасно, что похоронил в карьере, зарыв в снегу, но я, кажется, уже достаточно заплатил за это и сделал все, чтобы исправиться, – продолжал я причитать, пока шел по дороге к школе.

Я снова отвез их туда, так как никаких иных мыслей у меня не возникло, но в этот раз я не бросил веревку, а крепко-накрепко привязал ее к дверной ручке, накрутив столько узлов, что не развязать. Летом я научился делать морской узел, это умение очень пригодилось мне в тот день, санки были намертво привязаны к двери. «Кухарка приходит раньше всех, до открытия школы, стоило бы подождать ее для надежности», – решил я, засел в кусты и начал наблюдение.

Рассвет подбирался медленно и неуверенно, времени примерно 5:00–5:30 утра, ничего не видно. Кухарка приходит в 7:00, а может, и немного позже. Просидев некоторое время в засаде, я ужасно замерз, ноги онемели, пальцы рук стали нечувствительными, мороз обжег мое тело, слово синее пламя. Я решил размяться, вышел на дорогу и побежал вдоль школы, бег спас меня на какие-то доли секунды, пока я не увидел свет автомобильных фар сзади, затем послышался рев мотора. Я отпрыгнул в кювет и притаился, но было уже поздно, автомобиль остановился и озарил белоснежный полумрак красно-синим мигающим светом. Я пригнулся что было сил, максимально прижавшись к холодному мягкому снегу.

– Вылезай! – услышал я голос милиционера, что стоял прямо надо мной в синей спецодежде, зимней шапке и ботинках, как у Дена. Он светил на меня фонариком, пытаюсь найти лицо, которое я спрятал вниз и закрыл варежками.

– Какой-то пацан, – сказал он напарнику, когда тот подошел.

– Тащи его в машину, отвезем в отделение, там разберемся.

– Эй, вылезай! – обратился ко мне первый. – А то хуже будет!

Я лежал без движения не потому, что хотел показаться незаконопослушным гражданином, а попросту не мог шевельнуться. В такие моменты я оказываюсь парализованным

собственным внутренним пауком, что выстреливает ядом прямо в сердце и обездвиживает его.

– Упрямый какой! А ну, вылезай, тебе говорю, не то сейчас достану дубинку! – выкрикнул напарник и вытащил из чехла резиновый ствол.

Это было похоже на сцену из фильма, где гасконец неуклюже вынимает шпагу из ножен и протыкает соперника насквозь, просовывая шпагу между рукой и телом героя. Напарник, конечно, ничего не просовывал, он помахал палкой в воздухе и шагнул в мой кювет, провалившись по пояс.

– Доставай его! – подогревал первый с фонариком.

– Ты в своем уме? Сам доставай этого говнюка! – пытаюсь вылезти, ругался напарник. – Дай мне руку!

– Давай я сам! – первый осторожно спустился и, протоптав себе небольшое отверстие в снегу, взял меня за капюшон. – Говнюк какой! – заглянул он мне в лицо.

Я зажмурился. Не потому, что хотел проигнорировать стража порядка, а попросту боялся увидеть глаза кухарки на лице сержанта.

– Эй, ты вообще живой? – он потряс меня за куртку и бросил обратно в снег, словно гадкого щенка. – Странный, весь сжался, – сержант пнул меня ногой, схватил за рукав и потащил к машине. Всю дорогу меня трясло, я сидел зажмурившись до самого участка, приоткрыл глаза, лишь когда мы проезжали школу, чтобы убедиться, что санки на месте, но ничего не разглядел в темноте.

– Везем подростка, нашли в канаве, обдолбанный какой-то, весь трясется, не разговаривает, глаза не открывает, нос перевязан, лицо опухшее, – передавал сотрудник по рации.

Все, что они сказали, было неправдой, но я не стал возражать по понятным причинам, а просто проглотил это вместо маминого вкусного завтрака, который она уже наверняка готовила, думая, что я сплю в комнате. Меня выгрузили, провели в коридор и сдали, словно ненужную вещь. На улице начало светать, я немного согрелся, и дар речи вернулся ко мне. Сотрудники, которые находились в отделении, были со мной более приветливы и обращались как с ребенком, а не как с грязным, «обдолбанным» щенком, что расположило меня к общению. Я назвал свое имя и телефон, после чего начал отсчитывать про себя от одного до тысячи, на 963 дверь распахнулась – мама вбежала первой, папа следом за ней. На них обоих виднелась пижама под верхней, неаккуратно застегнутой одеждой. Мама замахнулась рукой, я зажмурился, но ничего не почувствовал, кроме шлепка в воздухе. Папа успел перехватить мамину руку, он сжимал ее так сильно, что рука побелела, а на запястье выступили синие вены, в них пульсировала горячая кровь, разносящая огромную дозу спонтанно выброшенного адреналина. Они ругались так сильно и откровенно, как никогда, и все это из-за меня. Я готов был стерпеть удар, даже два, даже ботинком по лицу, если бы это помогло успокоить ее, ведь удары пройдут,

а вот сказанные слова останутся навсегда...

Ненужный груз, «обдолбанного щенка», или попросту сказать – меня, выдали домой. Всю дорогу я ехал молча, папа нервно подкашливал и продолжал комментировать поведение мамы, упрекая ее в совершенных ошибках, касающихся меня, о которых я даже не помню, он вытаскивал их из недр моего далекого младенчества. Она злилась и выдавала в его сторону в десять раз больше, набирая в грудь воздуха, перед тем как заговорить, это напомнило мне случай в деревне, когда перевернулась навозная бочка и из нее вытекла тонна дерьма. Воняло на всю улицу дней пять, пока все это не смыло сильным проливным дождем. Скорее бы и в нашем маленьком семейном мире пролил сильный прохладный дождь и заглушил эти разрушительные крики.

Дома мне устроили настоящий допрос, но бинт на моем лице все еще защищал меня словно шапка-невидимка, хоть и держался на мне уже одной стороной. Я нежно пригладил его обратно к носу и уверенно заявил:

– Я ничего не помню, ничего!

– Как? – возмущенно спросила мама. – Вообще ничего? – она так раздухарилась этим утром, что на ее лице лопнуло несколько красных сосудиков, так уже было с ней однажды.

– Ничего вообще, – разочарованно покачал я головой.

– Ну а нас ты помнишь? – подключился папа, задав, как мне показалось, глупый вопрос.

«Вас помню, но отдельные моменты лучше бы забыл», –

подумал я про себя.

– Помню, конечно! – ответил я папе.

Игра в «помню – не помню» продолжалась до полудня, после меня накормили и отправили спать. Я лег, глаза сами закрылись от усталости, но заснуть сразу не удалось, угрызения совести жалили меня словно рой ос, пробравшийся ко мне под одеяло. Может, зря я привязал санки к ручке, да еще так крепко, мне вспомнилась несчастная постанывающая морда таксы, что стоит привязанная у магазина каждый раз, когда ее хозяйка удаляется за покупками. Может, надо было занести их в школу и оставить на кухне? Там бы они отогрелись и спокойно дождались хозяйку. Рой ос под одеялом бросился в атаку с новой силой. Я вжался в матрац и закрылся подушкой, чтобы не слышать удары падения навозных бочек, что доносились с кухни.

Меня водили по медицинским кабинетам всю следующую неделю, с полным освобождением от школы и уроков. Мама сообщила директору, что возникло осложнение после сотрясения мозга и я нуждаюсь в дополнительных обследованиях, об этом вскоре узнали многие ученики, и некоторые ребята из параллельных классов звонили мне высказать слова поддержки, им, конечно, было наплевать на меня, просто хотелось узнать из первых уст, каково это – загреметь ночью в милицию? И надрал ли отец мне задницу? Я общался сухо и кратко, в страхе, что Ден может узнать об этом и разозлиться на меня еще больше. Роль дурака оказалась как никогда кстати, она послужила отличным прикрытием, после того как с носа сняли повязку. Санки продолжали появляться каждую ночь, но стояли впредь боком ко мне, а не лицом, как ранее, давая понять, что затаили обиду за морские узлы. Мне было что им ответить, я ведь угодил в отделение милиции в ту ночь, но я молчал, понимая, что сам заварил эту кашу. Нам пришлось ужиться на некоторое время, более я не мог выбираться из дома по ночам, мама закрывала дверь изнутри на ключ и прятала все дубликаты в своей спальне. Моя комната смахивала на тюремную камеру, особенно ночью, когда я разглядывал лунный круг сквозь деревянные перекладыни санок. От этого я чувствовал себя плохо, план по-

бега сам собой созрел в моей голове, словно плоды цветущего дерева.

На последнем медицинском обследовании мне надели на голову резиновый дуршлаг и подключили множество электрических проводков.

– Что это? – спросил я очень серьезно и озадаченно, вспомнив такие шапочки в фильмах про американскую казнь.

– Этот анализ называется энцефалограмма головного мозга, она позволит определить активность твоих мозговых тканей и зафиксирует, если в них обнаружатся нарушения, – объяснила медсестра раздражающим тонким голосом.

Мама посадила меня в кресло и вышла в коридор.

– То есть вы прочтете мои мысли? – я вжался в кресло и приготовился сорвать с головы этот резиновый дуршлаг – мое тело оказывало неуправляемое сопротивление.

Она развернулась ко мне в профиль и, улыбнувшись на пол-лица, проговорила:

– Твои мысли, мой мальчик, мы знаем и без того, – ее голос резко поменял тональность на низкий и шипящий, зрачок налился кровью, веко искорежилось, будто его облили кислотой. Я зажмурился и перестал дышать.

– Расслабься, чего ты так испугался? – раздался тонкий звонкий голосок. Она отняла мою окостеневшую руку от груди и положила ее на ручку кресла, то же самое сделала со второй рукой, нацепила еще несколько проводков и сказа-

ла: – А теперь думай о хорошем.

Мысли побежали вразнобой, опережая друг друга, они толкались, кусались, дрались и делали все, чтобы не пустить в мою голову санки. Я думал даже о тете Любе, которая собирается приехать к нам в гости на следующей неделе. Это двоюродная сестра моего папы, очень неприятная женщина, не любит меня ровно так же, как и я ее. Приезжает раз в год, а сует нос в нашу жизнь, как будто живет с нами. Но сегодня я был готов думать о ней целый день, лишь бы не вспоминать проклятые санки.

– Все хорошо! – медсестра вынесла заключение в коридор после часа ожидания. Если честно, я немного боялся этого анализа, хотя и понимал, что резиновый дуршлаг не может считать моих мыслей.

Утром, после длительного перерыва, я отправился в школу с непривычно легким рюкзаком, а все потому, что учебники по литературе, истории и географии я подложил под ножки моей кровати, тем самым приподняв ее и соорудив место для санок. Сверху я задвинул их старым папиным чемоданом и накрыл все это ненужной скатертью, что лежала в шкафу. Тайник казался мне достаточно надежным, и я с легким сердцем вышел из дома в этот день.

В школе было все как обычно, многие провожали меня взглядом, зная о произошедшем, и тихонько перешептывались, обсуждая мой нелепый вид. Уже на первом уроке меня ждали первые неприятности – чтение по ролям. Я легонько

толкнул соседа локтем и спросил:

– Можешь положить учебник на середину, пожалуйста?

– Нет, Васин! Читай свой учебник, – хмуро и недовольно промычал Мишка.

Он жил в многодетной семье и получал еду бесплатно, щедро делился с самыми сильными в классе и за это получал защиту и уважение. Никто не смел бить его и обзываться, хоть поводов было полно. Мишка плохо видел и всегда сидел на первой парте, я угодил к нему в напарники временно, поскольку долго сидел на больничном из-за проблем с головой.

– Васин читает за мартышку, – Нина Григорьевна встала между первым и вторым рядами спиной ко мне.

Все заржали. Ну, естественно, за мартышку читаю я, кто же еще. Указка ударилась об стол с такой силой, что по мне прокатилась остаточная вибрация.

– Я забыл учебник! – пришлось признаться и снова нарушить создавшуюся тишину бурей эмоций, мои слова воспринимались всеми как забитый гол на чемпионате мира по футболу.

Стрекоза молча подошла, оглядела меня своими огромными очками с девятимиллиметровыми линзами, за что и получила такое прозвище, поводила по столу указкой, убедившись в сказанном, и молча удалилась в глубину класса.

– Тогда Оксана читает за мартышку!

– Ты идиот, – прошептал девчачий голосок мне в спину, и я выдохнул с облегчением. В конце урока в моем дневни-

ке появилась новая красная двойка и пояснение к ней: «Не готов к уроку».

На большой перемене я незаметно улизнул в туалет и просидел в нем до звонка на урок, запашок там не из приятных, если говорить мягко, у меня даже в носу засвербело. Какой-то первоклашка, весь перепачкавшись в собственном дерьме, всхлипывая отмывал руки под струей ледяной воды, что медленно текла из крана. Дождавшись, когда все разошлись по классам, я пробрался в столовую и, подойдя к кухонному окошку слева, заглянул в него, подозрительная тишина царила во всем помещении, грязная посуда привычно занимала все передние столики. Кухарки не было. Немного потоптавшись на месте, я отправился на второй этаж, где уже начался урок математики, озираясь из-за каждого угла: нет ли кого из «троицы» или еще хуже – директрисы, которые непременно поинтересовались бы, почему я гуляю по коридору во время урока. В холле второго этажа завхоз снимал украшения с уже осыпавшейся до середины елки, это нужно было сделать еще пару недель назад, когда первоклашки оборвали всю мишуру и перебили половину игрушек. Елка выглядела отвратительно: засохшая и ободранная, собственно, как и я, может быть, и мне залезть в картонную коробку и отсидеться в ней до следующего года, наверно, тогда все забудут обо мне и я стану новым, свободным человеком? Он поднял глаза и посмотрел на меня, желая что-то спросить, я тут же опустил голову и уверенно зашагал, будто тороплюсь.

– Поможешь снять гирлянду? Нужны еще две руки, – обратился пьяный Петрович мне в спину.

Я постарался уклониться, в результате чего его просьба, словно пуля, пролетела мимо и рикошетом от стены вернулась прямо мне в грудь.

– Конечно! – я кивнул, его шипящий голос показался знакомым до дрожи, и мои колени действительно задрожали.

Еще несколько секунд я стоял к нему спиной, а затем набрал воздуха в грудь и резко развернулся. Несу расплату за свои поступки, размышляя я, делая шаг вперед, эта расплата бесконечна, школа бесконечна, санки бесконечны, жизнь бесконечна...

– Держи здесь, а я залезу на стремянку и раскручу гирлянду сверху, понял? – спросил он, видя мое обескураженное лицо.

Я кивнул и встал там, куда он указал. Петрович залез, сделав несколько шагов по лестнице, и зашелестел ветками ели. На голову посыпались иголки, обрывки мишуры и пыль.

– А ты чего не учишься? – поинтересовался он.

– Вышел в туалет, – за последний месяц я соврал столько раз, сколько не врал за всю жизнь. Поначалу мне было стыдно, я мучился угрызениями совести, вновь и вновь прокручивая свои лживые слова в голове, но сегодня вранье как песня лилось из моих уст, заполняя тайное пространство, будто нужный пазл попадал на свое место.

– Сейчас, сейчас, – из-под потолочного эха доносился го-

лос завхоза.

Гирлянда, похожая на змею, медленно спускалась мне в руки и, сворачиваясь по кругу, ложилась в клубок на полу.

– Я стараюсь быстрее, а то решат там, что ты удрал с урока, – продолжал он. Я поднял голову. – Отругают еще, что столько сидишь в туалете, – усмехнувшись, он опустил голову и посмотрел на меня. Его глаза были налиты кровью, кожа испускала зловоние, шипящий голос проговорил: – За все приходится платить, верно? – он рассмеялся прямо мне в лицо, хоть и стоял на два метра выше.

Я бросил гирлянду на пол и вздрогнул от ужаса. Из его рта посыпались засохшие елочные иголки, они падали на голову и грудь, скользили по рубашке и исчезали под одеждой, будто вживляясь в мое тело. В этот момент раздался звонок с урока, двери классов распахнулись и, толкая друг друга, в коридор хлынули ученики, словно вода на палубу из многочисленных пробоин. Колонка звонка находилась так близко от моих ушей, что ее раздражающий, громкий звон заставил меня зажмуриться, я закрыл уши руками и побежал вперед, но уже через несколько шагов врезался во что-то большое и мягкое.

– Васин! – с неумолимым возмущением произнесла Лариса Николаевна. – Ты почему не был на уроке?

С обеих сторон от нее, немного позади, словно крылья ангела, стояли заплетенные в косы отличницы нашего класса, они злобно и презрительно хихикали, выказывая свою

недоброжелательность ко мне.

– Я помогал Петровичу разбирать елку, он сам попросил! – мой ответ был переполнен уверенности, так как это была чистая правда.

Отличницы рассмеялись, большая мягкая глыба, тяжело вздохнув, обошла меня справа, произнеся всего два слова:

– К директору.

– За что? – недоумевал я.

Пока одна из заплетенок не пояснила:

– Петрович разобрал елку месяц назад, Васин! Придумал бы что-нибудь поумнее! – и злобно прохихикала.

Я тут же отвел глаза, потому что боялся увидеть ее лицо. «Так совсем не пойдет, это уже слишком! – думал я, адресуя свои мысли проклятым санкам. – Нужно срочно от них избавляться, иначе меня выгонят из школы!»

Лариса Николаевна привела меня в учительскую, оставив свои «крылья» за дверью, без них она казалась поуже и менее строгой. Столы стояли в шахматном порядке, а на стене висела доска с ключами от всех классов. Каждый крючочек снизу был подписан синим маркером, но рассмотреть надпись удавалось, лишь подойдя ближе к стене.

– Сядь, – строго сказала глыба, – и думай о своем поведении, пока ждешь завуча.

Это прозвучало как издевательство, поскольку последние месяц-второй я только и думаю, что о своем поведении, и не знаю, что нужно сделать, чтобы все исправить.

Я думал, думал, думал, не сводя глаз с доски с ключами. В самом нижнем ряду ключи больше остальных, такие обычно отпирают навесные замки или наружные двери. Я вспомнил, как выглядит дверь с тыльного входа в столовую, и представил, как должен выглядеть ключ, отпирающий ее. Он висел в середине нижнего ряда, между двумя похожими ключами поменьше от женской и мужской раздевалки в спортзале. Как-то раз, вспомнилось мне невзначай, года два назад, тренер отправил меня за ними, обнаружив, что забыл их взять. Нужно проникнуть в логово кухарки и оставить там ее злополучные волшебные санки.

– Подумал? – прервала Лариса Николаевна мой план, когда в учительскую вошла троица апостолов.

– Да! – сказал я чистую правду.

– Что случилось, Васин? – спросила завуч, увидев меня на стуле провинившегося.

«Не торопись с ответом», – прошептал мой внутренний голос и заострил внимание на ее жутком, разноцветном макияже. Мне было не страшно, что завуч вдруг превратится в кухарку, потому как она и без того была некрасива до безумия.

– Прогулял математику, бродил по коридорам, а может, и хуже, курить бегал за школу, вот и не пришел, да, Васин? – начала выступление сторона обвинения.

– Может, ты еще не выздоровел до конца? – поддержала меня одна из троицы апостолов.

Они продолжали дискутировать без моего вмешательства, что было очень кстати для меня, но вскоре замолчали. Мне не удалось уловить последнюю фразу, и предыдущую тоже, поэтому я просто смотрел на них, переводя взгляд с одной на другую. Нужно было что-то ответить, я водил ладонью по своей груди вниз, вверх, вправо, влево и понимал, что внутри моей рубашки нет осыпавшихся елочных иголок, а завхоз, наверное, действительно на больничном уже неделю и, скорее всего, мое сотрясение мозга оказалось сильнее, чем я предполагал.

– Я прогулял урок, потому что не сделал домашнее задание, – произнес я, когда все наконец-то замолчали, и тут же вспомнил, что сделал его в тетради, которая лежит в рюкзаке, висящем за моей спиной. Но делать шаг назад было поздно. «Ладно, хотя бы не курил за школой», – подумал я, когда меня отпустили из учительской.

Теперь я думал только о ключе, добыть его будет непросто, в учительской пусто только на уроках, и то не на всех, нужно подловить момент. По дороге к классу я несколько раз сталкивался с одноклассниками, они смеялись надо мной, задирали, обзывались, но я не обращал внимания и тем самым спровоцировал дополнительную агрессию. Один из задир, разгорячившись, толкнул меня, и я упал, вокруг тут же образовалась толпа, и еще несколько человек пнули меня в ребро, а затем схватили рюкзак и вывалили из него все содержимое, это действие было похоже на ритуал туземцев, ко-

торые прыгают вокруг огня с криками «у-у-у-у-у», в моем классе вроде бы не туземцы, но ведут себя ничуть не лучше. Так и буду теперь их называть. Меня спасло появление Ларисы Николаевны. Она, словно бог солнца, будучи такой же необъятной, спустилась с небес и резким ударом учебника по подоконнику спугнула племя.

– Опять ты в центре событий, Васин?! Никак тебе нейдет, сам не учишься и всех остальных с толку сбиваешь! Ох, дожدهшься ты, отчислят тебя и правильно сделают, между прочим! – она поправила очки и, обойдя меня, словно кучу дерьма, зашла в класс, закрыв за собой дверь.

В этот момент прозвенел звонок, я собрал с пола свои вещи и подошел к классу. «Сейчас в учительской никого нет, – прошептал мне внутренний голос. – Сбегай посмотри, это займет всего минуту», – шептал шипящий голос внутри меня. «Нет! – возмущенно ответил я ему. – Это слишком, если я не явлюсь на второй урок математики после всего, что уже было сегодня, меня точно отчислят». «Одну минуту, всего одну», – настаивал голос. Я не посмел сопротивляться и бросился бегом к учительской, надеясь, что успею, пока Лариса Николаевна не начала урок.

– Что тебе тут, Васин? – зауч возникла из глубины комнаты, когда я сунул свой нос в приоткрытую дверь.

– Ничего, ничего, просто ручку потерял, – очень быстро проговорил я и побежал обратно. План хороший, но исполнить его будет непросто, надо тщательно к нему подготовиться.

ся, я видел, как это делают грабители банка в американских фильмах, и взял за основу их опыт.

– Так вот же твоя домашняя работа, – глыба внезапно нависла над моей тетрадью грозовой тучей, – и решено все правильно, успел списать на перемене, молодец Васин!

В этот день у меня в журнале появилась еще одна двойка, такая большая и жирная, что заняла почти полторы клетки, поставленная с нескрываемым удовольствием и долей пролетарской ненависти. Этот день я выдержал с трудом, силы мне давала мысль, что школа не вечна и когда-нибудь она закончится.

Санки явились в обычное время, но были непривычно грязными, какая-то маслянистая, вонючая жидкость стекала с них на пол и впитывалась в ковер. Сначала я не разглядел ее, но после того, как вонь добралась до моего носа, я встал и подошел ближе. Их как будто окунули в котел с помоями, поварили там и сразу явили мне. «Отличный подарок, а главное – неожиданный», – думал я, оттирая тряпками это дерьмо с ковра. Чем больше я тер, тем больше становилось пятно, я принес из ванной большой таз и поставил в него санки, а сам продолжил оттирать. Через несколько минут таз наполнился, я вынул санки, поднял таз и понес его в туалет. «Что это еще за гадость?» – думал я с ужасом, пока помой стекали в унитаз, они были черные, с бордово-красноватым оттенком, словно венозная кровь. Меня начало тошнить от этого, я повязал на лицо мамин шарф, пропитанный

духами, чтобы перебить запах, и продолжил уборку, но это не помогло. С санок текло все больше, я старался убирать быстро и тихо, поднимал тяжеленный, переполненный таз, склонявший меня в разные стороны, словно ветер молодую березу. Я очень боялся разлить содержимое, ведь маме бы это точно не понравилось, она была бы в шоке от увиденного, а папа, возможно, отменил бы амнистию и снова отходил меня ремнем по всему телу. Я так устал, что ноги начали подкашиваться, голова закружилась, и я упал на колени перед санками, мысленно вымаливая прощения за свой поступок, я просил пожалеть меня и перестать извергать эту ужасную жидкость, а взамен забрать что-то другое, все что угодно, даже мою жизнь. Но санки хладнокровно смотрели на меня сквозь свои полосатые ребра и продолжали свое. Я сдался. Лужа расплзлась по ковру, словно темная дыра, я смотрел, как она поглощает мои голые колени, ноги полностью, все тело, но ничего не мог сделать, не мог шевельнуть даже пальцем, будто бы мое тело было накрепко связано веревками. Затем у лужи образовались края, она забурилась и стала походить на кастрюлю. Кастрюлю, что стоит на плите в школьной столовой, а в ней варится суп, мои плечи погрузились в нее, я задрал голову вверх, чтобы сделать последний глоток воздуха, и в последний момент своей жизни увидел глаза – маленькие, сморщенные, злые. Это была кухарка, она посмотрела на меня безжалостной улыбкой и закрыла крышку.

8

Я открыл глаза. Надо мной возвышался белый потолок, такой яркий, что я сразу снова зажмурился. Тело ломило, я лежал на полу посредине своей комнаты и не мог пошевелить головой, шея была словно деревянная, а в спине, вдоль всего позвоночника, торчал кол. «Жуткий сон», – подумал я с облегчением, вспомнив ночной кошмар, и выдохнул полной грудью. Дверь открылась, и мама зашла в комнату, рассказывая планы на сегодня, она говорила очень быстро и четко, а потом вдруг замолчала на несколько секунд, что тут же насторожило.

– Почему ты спишь на полу? – спросила она.

– Наверное, упал ночью, – оторвавшись от пола, ответил я.

– Почему в моем шарфе? – еще более удивленно спросила мама.

Я моргал, сидя на полу, и был поражен не меньше, чем она, но не шарфом, а всем остальным.

– Замерз ночью, – проговорил я и тут же снял, заметив на нем черные пятна от моих пальцев. – Я постираю, – и спрятал за спину скомканный комок.

Мама сказала еще что-то и с отсутствующим видом вышла из комнаты. Я в ужасе осмотрел свои руки и ноги, остатки засохшей жидкости виднелись под ногтями и в районе щиколоток. Затем я окинул взглядом комнату, но она была чистая,

лишь на ковре осталось несколько еле заметных маленьких пятен. Санок не было. «Что за чертовщина происходит со мной?» – мои губы задрожали, я начал всхлипывать и громко дышать носом, будто вдыхая лекарство от насморка, – это происходило неосознанно, так я выражал свое глубочайшее отчаяние.

По дороге в школу я решил, что нельзя медлить с планом, нужно действовать быстро и решительно, пока еще мое сотрясение мозга может послужить прикрытием. Отсутствие контроля за санками и их непредсказуемость становились все более опасными. Было решено ограбить учительскую на уроке физкультуры, так как временно меня отстранили от занятий, я волен делать что хочу в это время.

После того как все переоделись и построились в линейку, тренер крикнул:

– Рассчитайся на первый-второй.

Волна голосов покатилась слева направо, я тихонько встал со скамейки запасных и двинулся к выходу.

– Куда собрался? – своим физкультурным басом крикнул Кирилл Владимирович.

Его голос словно мяч отразился от стены, волна считалочки остановилась, будто ударилась о берег, и в зале раздался смех. «Почему они все время надо мной смеются? Я что – клоун?» – злость закралась в грудную клетку и кулаки.

– Просто решил не мешать, почитать в раздевалке, – неуверенно прозвучал мой ответ, сопровождающийся разве-

денными руками и тупой гримасой.

– Сядь! – дунул в свисток физрук и указал пальцем на лавку.

Я сел. Никогда этот мускулистый, небритый, зализанный мужик не обращал на меня, неудачника с белой кожей, кривыми ногами и висящим, чуть больше нужного, животом, никакого внимания. И тут, в такой ответственный, решающий мою судьбу момент он вдруг вздумал меня заметить. Ну уж нет, так дело не пойдет – я встал и выбежал из зала, выбрав удачный момент, когда он отвернулся. «Хуже уже все равно быть не может», – оправдывал я себя.

В коридорах было тихо, слышался свист и стук мяча о деревянный пол, это началась игра в баскетбол. Я пробежал на мысках мимо еще закрытой столовой и так же бесшумно поднялся на второй этаж: судьба благоволила мне – вокруг никого не было. Я подкрался к учительской, еще раз осмотрелся и нырнул внутрь. Это был другой мир, мир с другой стороны – как-то так. Мне даже захотелось задержаться в нем ненадолго, но это было бы слишком рискованно. Я подошел к доске с ключами и взял нужный. Серый большой ключ пах железом, старостью и кухаркой. Он лежал на моей распрямленной ладони, от которой я не мог оторвать взгляд. «Нужно поторапливаться, – подсказывал внутренний голос, – беги скорее, пока никого нет!» Я сжал ключ в руке и рванул к выходу, перед самой дверью остановился и приготовился выглянуть, проверить обстановку в коридоре. Но,

даже не высунув носа, услышал, как по деревянному коридору стучат тоненькие каблочки. Мое сердце застучало в ритме с ними. «Что делать, что делать?» – я бросился вглубь учительской и нырнул под самый дальний стол, за которым вроде бы обычно сидит учительница по черчению. Каблочки приблизились, я наклонил голову, стараясь не дышать, в поле зрения появились красные туфли на небольшом каблочке и часть ноги в черных, собравшихся в гармошку колготах. Ясно – это учительница по музыке, она всегда надевает колготы на размер больше нужного. Я съежился и прижался к задней стенке стола как можно сильнее, но часть моего тела все равно была видна. Она села за стол и что-то накарябала ручкой в журнале, затем пропела вслух несколько куплетов новогодней песни и удалилась. Страх немного отступил, я вылез из-под стола, но, не успев сделать и шагу, услышал разговор той самой учительницы по музыки. В учительскую направлялся еще кто-то, я нырнул обратно и посмотрел налево, в паре метров от меня стоял еще один стол, более надежный, гора книг на нем говорила о том, что его никто не занимает. Я хотел было перебежать и спрятаться, но опоздал – в комнату зашла учительница по черчению. Ее зеленые бесшумные валенки подкрались ко мне так близко, что удалось рассмотреть еще не растаявшие снежинки, прилипшие к подошве. Она только пришла в школу, сейчас будет переобуваться, я почувствовал под своей задницей что-то твердое – это ее туфли, пропал я. Правда, не шучу, лучше бы я

сварился в кухаркиной кастрюле ночью или просто умер во сне. Мама, конечно, была бы в шоке, когда увидела бы мое тело утром, а папа, возможно, даже бы не расстроился, потому что я разочаровал его ожидания, и как он сам неоднократно говорил – «проще создать новое, чем переделать старое». Правда, это касалось не меня, а его зданий, которые он проектирует. Я готов согласиться со всем, что он скажет, лишь бы это облегчило ему жизнь.

Я аккуратно вытащил из-под себя обувь и переставил ее под стул, чтобы хотя бы не стукнуться лбами. Она поставила сумку на стол прямо над моей головой и брякнулась в кресло. Я задержал дыхание. В учительскую вошли стертые до дыр коричневые лодочки. Они суетливо перемещались от стола к столу и что-то тараторили о своем, я не распознал голос, но, кем бы ни оказалась, пришла она как нельзя кстати. Валенки встали с кресла, прошли в центр комнаты, а навстречу им появились еще две пары ног, я воспользовался созданным шумом и выдвинул туфли еще дальше, насколько мог дотянуться руками, а затем сел и, полагаясь на Бога, стал вспоминать слова из молитвы. Я прошептал первую строчку и вдруг почувствовал, как мои губы будто бы склеились, я пытался разжать челюсти, но они были неподвижны.

Раздался звонок с урока. Куча разных ног в туфлях и колготках разом хлынули в учительскую и перемешались, словно салат оливье в новогодней хрустальной чаше. Голоса, перебывая друг друга, легли одним единым фоном как туман, ку-

рятник зажил в привычном для него ритме десятиминутного перерыва. И вот вдруг наступило затишье, туфли расступились и в комнату легкой, вальяжной походкой вошли белые кеды в синих трениках. Я почувствовал, как мой мочевого пузырь наполнился до краев и начал давить в пах. От страха это ощущение усилилось, и мне очень сильно захотелось сменить позу. А точнее, мне просто необходимо было сменить позу, иначе... Но это было слишком рискованно, мое движение очевидно привлекло бы внимание.

– Васин! – сказал физрук. Я вздрогнул и ударился головой об стол, это отвлекло меня от мыслей о мочевом пузыре. Я уже приготовился вылезти и даже выставил одну ногу вперед, как физрук неожиданно продолжил: – Ох, и достал меня этот Васин, удрал с урока прямо у меня за спиной после полученного предупреждения...

Курятник подхватил волну негодования, словно только и ждал этого. Перебивая друг друга, они стали обсуждать меня и мою успеваемость за эту четверть, будто я единственный ученик в школе. И только один тонкий медлительный женский голос выступил в мою защиту:

– Может, он еще не выздоровел до конца, все же сотрясение мозга – серьезная травма.

– Товарищи, нужно поговорить с родителями, пусть они принимают меры и вообще занимаются воспитанием ребенка, в конце концов, сколько можно его жалеть!

«А вы меня прям жалеете не переставая, – думал я про

себя, сдвинув брови. – Какой ужас ждет вас всех, когда вы обнаружите меня под столом!» – продолжал я злиться и в этот момент набрался смелости вылезти и сказать им всем правду. Правду о том, что я не такой, каким они меня считают, что единственный плохой поступок за всю мою жизнь – это то, что я, не подумав, как всегда советует папа, схватил веревку и побежал. А нужно было сказать «Нет!» – так четко и уверенно, что даже Ден не посмел бы мне возразить, пойти дожидаться бэшек, построить крепость из снега, который в тот день был таким липким и податливым, словно выпал специально для игры. Нет мне никакого прощения за это, проклятые санки преследуют меня по ночам и не дают мне покоя. «А самое обидное, – закончил я мысль, – что всем остальным участникам преступления это просто сошло с рук, а нас ведь было четверо!» Мне стало жалко себя, и я передумал вылезать и рассказывать им правду, потому как знал, что в нее все равно никто не поверит, меня сочтут идиотом и высмеют перед всей школой, а после Ден еще раз разобьет мне лицо и голову. Мой мочевого пузырь снова забрал все внимание себе, терпеть было сложнее, я стискивал губы, корчил лицо, сжимал кулаки, а главное – не понимал, сколько еще придется ждать и как скоро меня обнаружат.

Кеды вальяжно, задрав мысок, расхаживали по учительской и тем самым раздражали меня еще больше, затем остановились, подпрыгнули и зависли в воздухе, сантиметрах так в тридцати от пола. «Нехорошо сидеть на столе задницей», –

тут же подумал я, подсматривая за ними в щель между задней стенкой стола и ножкой. Физрук находился так близко от меня, что будто бы услышал мои мысли, он прервал свою льющуюся речь, прищурил глаза и посмотрел в мою сторону. Я зажмурился и стал ждать, но через некоторую паузу он продолжил, меня спасло его плохое зрение и привычка вешать очки на сетку для баскетбола. Я выдохнул скопившийся воздух в пол и прижался щекой к холодной деревянной внутренней стенке стола.

Звонок прозвенел словно колокол надежды, впервые я так радовался тому, что начался урок. Туфли торопливо, с полагающимся кудахтаньем засуетились и стали исчезать за ножкой шкафа, цоканье удалялось, растворяясь в общем шуме коридорной толкучки.

Трое зашли и сразу же были опознаны – это апостолы, в центре стояли завуч в своих темно-синих лаковых лодочках и пара черных неприметных туфель – это ее правая рука. Учительница по музыке подбежала и начала жаловаться на какой-то отчет, затем прошлепала к своему столу и, неудачно задев папку с нотами, сбросила ее на пол, папка приземлилась с глухим ударом, словно молот судьбы вынес мне вердикт быть обнаруженным, ноты рассыпались аккуратным рядком, как карточная колода, ровно указав на мое месторасположение. Ну вот и все, мне конец. Я сжал ключ от столовой и практически попрощался с жизнью. Педагог извинилась и, присев на корточки, стала собирать бумажки,

продвигаясь гуськом в мою сторону. Я видел ее кудрявую макушку, она собрала все и на последнем листке оторвала голову от пола, оказавшись прямо передо мной. Холодная стенка нагрелась от моей горячей щеки, ноги вспотели и стали неприятно скользить внутри ботинок. Немым умоляющим взглядом я смотрел ей прямо в глаза и не мог оторваться. Наверное, стоит вылезти самому, не дожидаясь, пока она закричит на всю учительскую, но я не мог. Ее каштановые кудри сползли на лицо, а взгляд ничуть не выдал никакого удивления. Она просто посмотрела на меня, и вдруг ее глаза исчезли, на лице образовались сквозные дыры, через которые я увидел книги, стоящие в нижней части шкафа, что находился за ней. Меня словно электрическим разрядом отбросило назад, к стулу. Я продолжал смотреть на нее и не мог поверить в происходящее, она повернула голову влево и немного наклонила вниз, ее пустоты на лице стали для меня импровизированным биноклем, через который я увидел ту самую деревянную доску с ключами. В объектив попали два ключа – большой, от самого дальнего класса литературы на третьем этаже, и рядом маленький. Я не знал, что это обозначает, но был уверен в том, что она не просто так указала на ключи, и зрительно сфотографировал этот фрагмент доски. Тут же ее удивительные голубые глаза, подведенные черными стрелками, вернулась на место, она поднялась с пола и продолжила свой диалог с завучем. Я продолжал сидеть, переваривая только что увиденное, как незаметно ко мне подкрались уже

высохшие зеленые валенки. Я продвинулся вперед, на то же место, где и был изначально. Валенки беззвучно слетели на пол, ноги ловко вделись в туфли и побежали в класс, это был еще один стресс, который я пережил, а мой мочевой пузырь – нет. Тепло разлилось по всей нижней части тела, прошло по внутренней стороне бедра и скопилось в районе копчика. Я сидел и не мог представить себе больший ужас, чем происходил со мной в этот момент. Ноги устали от неудобного положения, по коленке побежали ежики, и я решил, что больше никогда не приду в эту адскую, в прямом смысле этого слова, школу. В учительской стало тихо, на полу не было ни одной пары ног, я приготовился вылезти, как вдруг услышал кашель и вновь затаился. Кто-то остался, но кто это – я не видел. Каждая секунда тянулась словно час, я сидел под этим столом уже сутки, а то и двое, и терпение мое, как и нервы, было на исходе.

Кашель переместился и вышел в коридор, наконец-то я высунул голову и, убедившись, что никого нет, вылез полностью, оставив мокрое пятно под столом учительницы по черчению. Так ей и надо, может, моя моча научит ее чему-нибудь и она не будет ставить «двойки за кривые руки». Я тихо, на затекших мысках подкрался к двери и выглянул – чисто, можно бежать. Затем вспомнил про доску и показанные мне ключи, может, это все моя детская фантазия или стресс, но я все же решил прихватить еще два ключа, что увидел сквозь голову учительницы по музыке, на всякий случай, хоть и не

собирался возвращаться в школу никогда.

Подловив нужный момент, я проскочил по пустому коридору, нырнул в раздевалку и так же незаметно вышел на улицу. Мне хотелось скорее добраться до дома и переодеться. Никакие мысли более не лезли мне в голову, пока я шел по морозу в напрочь мокрых, заледеневших штанах. Так сильно я обмочился впервые, даже в ботинках хлюпала моча. Дома мне сразу же захотелось спать, я разделся и не обедая лег в кровать, проспал часа три и, проснувшись, не сразу понял, что происходит. Что из того, что я помнил, было сном, а что – явью. Я залез в карман куртки и достал три ключа, прокрутил весь день в голове, вспомнив все детали испытанного ужаса. Наверное, на фоне волнения мне как всегда приключилось что-то невообразимое и я прихватил лишние ключи. Училка по музыке пожалела меня и не выдала, но после наверняка не сдержалась и разболтала всем обо мне, так что, когда пропажу ключей обнаружат, будут знать, кто во всем виноват. В школу я больше ни ногой, это окончательное решение, вечером сообщу эту новость родителям. Вместе мы что-нибудь придумаем.

9

Мама вошла молча, посмотрев на меня таким взглядом, будто я лежал мертвый в гробу, а папа даже не посмотрел, видимо, решил запомнить меня живым. Я подумал, что сейчас не лучший момент, и спрятался в своей комнате за шкаф. У меня там есть тайное убежище, я накрылся одеялом и включил настольную лампу, что взял с маминой тумбочки. Рассматривая ключи под ярким световым лучом, я заметил, что они не такие, как все остальные, точнее сказать, их что-то кардинально отличает друг от друга и от всех остальных подобных ключей, но что именно, мне пока не удалось сформулировать. С кухни послышались голоса, мама и папа что-то обсуждали на повышенных тонах, я вылез из-под одеяла и прислушался. Оказывается, им снова звонили из школы и жаловались на мое отсутствие на уроках. Мама обвиняла в этом папу с его строгостью, а папа со своей стороны маму и ее мягкость. Мне захотелось выйти к ним и сказать, что вся их строгость, мягкость и прочая ерунда не имеет к делу никакого отношения, как вдруг раздался звонок в дверь. Я подобрался к углу комнаты и высунул зеркало на палке, желая посмотреть, что происходит за углом. Оно лежало у меня наготове, для тайного наблюдения за тем, как раздевается неуклюжая папина двоюродная сестра, неожиданно завалившаяся в гости.

Родители вместе открыли дверь и начали синхронно разливаться в любезностях, это было неискренне и неправдоподобно, как минимум для меня, свидетеля только что прерванной ругани. Дама в шляпке, перчатках и полушубке, о котором мечтает мама, вошла и поприветствовала их, затем разделась, окинула наше жилище своим меркантильным взором и прошла в гостиную следом за мамой, папа тоже прошел за ними, осторожно посмотрев в мое зеркало так точно и нарочито, что мы столкнулись взглядами.

Я ползком вернулся в комнату и достал из шкафа ящик с конструктором, детали которого покрылись ровным слоем пыли, я не притрагивался к ним уже достаточно давно и даже забыл технологию сборки. Этот ящик с секретом, у него есть двойное дно, надежнее места нет во всей нашей квартире. Я аккуратно спрятал туда ключи, будто бы чувствуя опасность, и обернулся на стук в мою дверь.

– Войдите! – продолжая сидеть на полу скрестив ноги перед собой, ответил я.

Дверь отворилась, и в комнату зашла не известная мне дама, ее стойкий аромат тут же наполнил мою комнату, перебив запах моей мочи и еды, который обычно приносили с собой санки.

– Меня зовут Мария Витальевна, – представилась она и без малейшего стеснения или неудобства расположилась рядом на полу, скрестив так же ноги. – Я психолог, представляю интересы нашей школы, ранее мы встречались на еже-

годных занятиях, помнишь? Я отрицательно помотал головой.

– Мне надлежит осуществлять над тобой патронаж, пока ситуация не наладится, поможешь мне? – она заглянула прямо в лицо.

– Я даже себе не могу помочь, а уж тем более вам, – ответил я честно и на несколько секунд проникся к ней неоправданным доверием.

– А я помогу тебе, – тут же подхватила она.

«Интересно, каким образом, заберет украденные санки? – думал я про себя. – Или треснет Дену по щеке кулаком так, что у него изо рта вылетят все зубы? Как? Как она может мне помочь?»

– Хорошо, – подхватил я, потянулся к столу, достал из рюкзака контурную карту и сунул ей в руки.

– Что это?

– Это контурная карта, ее надо заполнить, кажется, раздел про Египет и Африку, не забудьте составить описание, внизу есть специальная строка для этого.

Она удивленно вытянула лицо, оно отражало полное недоумение, и тогда я пояснил подробности:

– Вы сказали, что поможете мне, вот карта, помогайте.

– Нет, – усмехнулась она, – я помогу тебе не с уроками, а со сложившейся ситуацией, в которой ты запутался.

– А вы что-то знаете о моей ситуации?

– Конечно! – уверенно и глупо подхватила тут же.

– Ну-ну! – прокомментировал я еле слышно.

Тетка достала тетрадь, открыла и сделала несколько записей. Я в ответ открыл контурную карту и стал обводить Древнюю Александрию зеленым.

– Тебя часто наказывают? – спросила она не отрываясь.

– Нет, – ответил я зеркально.

– Насилие в доме присутствует?

– Вопрос не ясен.

– Тебя бьют?

– Нет. – Я разочаровался в ней, о чем мне захотелось сказать вслух, но я сдержался и полностью погрузился в Древний Египет.

В течение часа я отвечал на формальные вопросы для анкеты и отчета в органы. Затем, взглянув на часы, она задала свой последний вопрос, наконец-то оторвав глаза от тетради:

– Как ты думаешь, твои родители стараются помочь тебе?

– Да, даже больше, чем я заслуживаю.

– Почему?

– Почему что? – уточнил я.

– Почему ты считаешь, что заслуживаешь меньше?

– Потому что... – я замолчал. – Они, как и все остальные, не видят, что есть на самом деле.

– А что они видят?

– Квадрат. Всего лишь квадрат, – с сожалением повторил я.

– А на самом деле это круг?

– А на самом деле это ромб, – сказал я и закрыл атлас. «Ну и тупая же она, одни духи в голове», – понял я сразу.

– На следующей встрече мы поговорим об этом, – сказала она и торопясь удалилась, будто кроме заполненной анкеты ей больше ничего не надо.

– Я разочаровался в психологии как в профессии после беседы с этой женщиной, – сказал я родителям, когда они закрыли за ней дверь, и пошел в свою комнату, там, в шалаше, меня ждали важные дела. Родители не возразили ни слова, значит, я был прав, им она тоже не очень понравилась.

Ночью я проснулся от удушающей тошноты, приподнялся, пытаясь жадно глотать воздух, которого катастрофически не хватало, мой взгляд метался по комнате словно теннисный мячик, отскакивал от одной стенки и возвращался к другой, до тех пор, пока не замер в одной точке. Сегодня санки были прозрачно-голубые, будто бы сделаны из алмазного льда. Я замер в изумлении от увиденного, поморгал глазами, убедился, что они меня не обманывают, и медленно сполз с кровати на пол вместе с одеялом. Они были чудесны, свет внутри переливался разноцветными огоньками, отдаляющимися друг от друга. Я подкрался ближе и увидел свое отражение в зеркальных перекладинах, в темноте оно было нечетким, я приблизился еще чуть-чуть, множество разных маленьких лиц смотрели на меня изнутри, они появлялись и исчезали так внезапно, что мне не удавалось их рассмотреть. Неожиданно меня охватило чувство радости и счастья, оно было таким полным, какого я не испытывал прежде. Меня тянуло к санкам как магнитом, я подполз к ним вплотную и практически прикоснулся лицом. Маленькие детские лица стали подплывать ближе, словно рыбки в аквариуме, желая мне что-то сказать, они открывали рты и кричали что было сил, но я слышал лишь несвязные обрывки слов. Вдруг внезапно я увидел страх в их маленьких глазах, зрачки потем-

нели и расползлись по лицам темными пожирающими пятнами, я опять увидел себя, мое лицо было испуганным, а кожа вокруг глаз старая и морщинистая, она сползала по щекам, как воск с горящей свечи, и капала на пол. Я испугался и схватился за лицо рукой, которая была старой, сухой, пятнистой, с длинными орлиными когтями. Я отпрыгнул, пнув стеклянные пылающие санки ногами, они упали назад и разбились в мелкую голубую пыль. Пыль превратилась в бездонное озеро прямо посреди моей комнаты, лица снова появились на поверхности воды, практически касаясь губами водяной глади, но в этот раз они были не детскими, а старыми безобразными уродами, я испугался и что было сил рванул к двери, ударился о ножку кровати и упал.

От боли, страха и разочарования я заплакал в голос, это был крик моей души, такой громкий, что весь наш город всколыхнулся разом и засверкал желтыми квадратиками проснувшихся окон. Мама и папа подняли меня и положили на кровать, они что-то говорили друг другу на повышенных тонах, но даже этим не перебили мой затянувшийся рев. Мама потрогала мне лоб, папа принес градусник, мокрое полотенце и воду, но все это не помогало. Мое отчаяние приобрело степень бесконечности, словно зеркальное отражение в отражении, отражающееся в нем, и так далее. Более я не мог взять себя в руки и бороться с санками, потому что даже не знал, есть ли они на самом деле.

Я уснул, а когда проснулся, было уже позднее утро, при-

мерно конец четвертого урока. Рядом лежал градусник, с застывшей в нем ртутью на отметке 39,4, такая высокая температура была у меня последний раз, когда я болел ветрянкой еще в детском саду. Таблетки от жара и стакан с водой – все это находилось на прикроватной тумбочке около моего носа. Я взял воду и выпил залпом, затем откинулся обратно на подушку, осмотрел свои нормальные человеческие руки, выдохнул и вслушался в тишину.

Мама говорила по телефону с директором школы, впервые за всю жизнь она яростно отстаивала мои права и защищала меня так, будто я ни в чем не виноват. Из той половины разговора, которую я услышал, удалось понять, что речь идет об отчислении из школы, вроде бы кто-то из учеников видел меня во время урока выходящим из учительской. Я ничуть не расстроился, а даже, наоборот, обрадовался, директриса своим отчислением облегчила мне задачу по донесению известия до родителей о моем решении более не посещать школу. По моему делу был назначен педсовет с участием школьного психолога и милиционера, что оформлял меня в участке ночью. Об этом я узнал позже и обвел сегодняшний день в календаре красным, чтобы считать дни от этого круга.

Мне дали больничный и оставили отлеживаться до середины следующей недели, мама переключилась на свои дела, ослабив контроль за мной, а папа еще не пришел с работы. Стемнело. Я залез в свой шалаш, достал коробку с конструк-

тором и вытащил ключи, под лупой на них видно множество микроскопических изъянов, трещин, вмятин и отпечатков. Ощущение, будто я рассматриваю земной шар со спутника, продвигаясь, я вижу жизнь ключа, его горе и радости, болезни и здравие. Добравшись до кончика, я решил, что сегодня ночью мне непременно нужно попасть в школу, я оставлю санки на кухне, а заодно осмотрую ее и, может быть, что-то найду.

Послышались шаги и разговоры.

– Как он? – спросил папа, снимая пальто и шапку.

– Сидит под одеялом уже несколько часов, – с ужасом в голосе ответила мама.

Я возмутился: «Какие несколько часов?! Я залез сюда буквально минут 20 назад». И, сделав шаг вперед, я почувствовал, как затекли мои ноги без движения. Высунув голову, я взглянул на часы – половина одиннадцатого, мама права, я совсем не заметил, как пролетело время. Я вылез и пошел на кухню, помыл овощи и помог приготовить салат, смотрел, как горит синий огонь, и застывал, грея руки под струей горячей воды, я будто бы уже скучал по этим минутам, опережая время.

Мы сели за стол и все вместе поужинали, как раньше, родители оттаяли, видя меня в хорошем расположении духа, папа даже предложил сыграть в «Монополию» или в прятки, и мы сыграли. Я выбрал первое, потому что из прятков в нашей квартире я уже явно вырос. Но потом согласился на

одну игру ради папы, уж очень он любит бездыханно стоять за шторой, думая, что совсем не видно его выдающийся вперед силуэт. Я сделал вид, что не знаю, куда он спрятался, и долго искал в разных местах, где его точно быть не может: в бельевой корзине, шкафах, полках и даже секретере с посудой. Я рылся везде до тех пор, пока по шторе не побежали волны, говорящие о том, что папа устал стоять не шевелясь так долго и пора бы уже его найти. Я нашел, он радовался как ребенок, и я тоже, хоть на душе было так тяжело и грустно, что хотелось поскорее снять маску радости и тихонько заплакать. Так я и сделал, когда все легли спать, после чего и сам задремал полусидя, ожидая появления санок. Два часа ночи, три, половина четвертого, не открывая глаза, я вдыхал носом свежий воздух и понимал сквозь сонный туман своего сознания, что их нет. Начало пятого – я открыл один глаз и наконец-то заметил темное пятно – явились без опоздания. Сегодня важный день, если все получится, я узнаю секрет кухарки и наконец-то избавлюсь от санок.

Все шло по плану, я тихо собрался, положил в карман папин фонарик и уже в коридоре вспомнил про свой арест, на ночь мама закрывает входную дверь и прячет все ключи у себя в спальне, как же можно было забыть об этом? Я схватился за голову и стал думать, как выйти. Первое, что пришло мне на ум, – это окно, я мог бы спрыгнуть, всего три этажа, внизу мягкий сугроб, но как я вернусь обратно? Не пойдет – если меня раскроют, то на моем окне завтра же по-

явится решетка, нужно что-то надежнее. Я стал размышлять, где могут лежать ключи, мысленно бродя по спальне и пытаясь думать, как мама. Наверно, в шкатулке. Нет, наверно, в хрустальной вазе, что стоит прямо над ее головой. Место должно быть удобное и доступное, учитывая, что она делает это каждый день.

Вдруг я почувствовал, как в кармане что-то зашевелилось, будто там проснулась маленькая листовая ящерица, она ерзала по карману и щекотала мне ногу. Это еще что? Я брезгливо отпрыгнул и широко распахнул правый карман, из левого достал фонарь, включил и направил вглубь, не решившись залезть рукой. В кармане, как и прежде, лежали три школьных ключа, я вынул их и увидел, что один из ключей поменял свою форму, тот, что от дальнего кабинета на третьем этаже, тщательно всмотрелся – его резьба стала походить на ключ от входной двери. Лоб вспотел, к нему неприятно прилипли волосы то ли от страха, то ли от жары, я стер пот рукавом, трясущимися пальцами поднес ключ к замочной скважине, вставил и повернул. Дверь открылась, я взял санки и вышел на улицу, затем положил ключ в карман, немного подышал и пошел. «С ключами я буду разбираться завтра, сначала санки, иначе так можно сойти с ума, если, конечно, это еще не произошло, – думал я по дороге. – В любом случае, если мне помогли выйти, значит, кому-то это надо, и, скорее всего, я следую по верному пути». Дорога впереди уходила вниз, ноги заскользили по накатанному

льду, я расставил руки будто крылья, чтобы удержатъ равновесие, и прокатился несколько метров вниз, санки брюзжали сзади, а в конце горки догнали меня и даже выкатились вперед. Восторженно вскрикнув, я еле-еле удержался на ногах. Мне нравились ночь, тишина, темнота, город будто бы принадлежал только мне, в это время в нем не было Дена, завуча, учителей, физрука и даже мамы с папой.

Звезды рассыпались по небу так ярко, словно хотели осветить мой путь, они провожали меня, подмигивая из темной небесной бездны. Я прошел еще две улицы и, вспомнив неудачный опыт с сотрудниками полиции, свернул в обход проезжей части. Пробежал вдоль леса и попал на узкую улочку в частном секторе города. Она почти не освещается ночью, и ее не чистят от снега, что значительно замедлило мой ход. Вдали слышался вой собак, он тоскливо резал ночную тишину на две части, периодически стихал и завывал вновь. Дорога расширилась и завернула на улицу, что вела к школе, я был почти у цели, когда почувствовал сзади чье-то присутствие. Обернулся, взгляделся, ничего не увидел, но на всякий случай прибавил шаг, вскоре я услышал тяжелое, прерывистое дыхание и множество мелких шагов – это была стая бродячих собак, они быстро нагнали меня, окружили с обеих сторон, скалясь и издавая страшный лай. Я побежал так быстро, как мог, а одна псина из стаи, самая злая, нагнала меня и схватила за ногу, я подпрыгнул, пытаюсь на лету пнуть собаку ногой, но, не успев сгруппироваться, упал

прямо на оказавшиеся подо мной санки. В этот миг земля наклонилась, они понеслись вперед, словно с самой большой и крутой горы в мире, я вцепился пальцами в решетку, чтобы не упасть, встречный ветер обжигал щеки, в глаза и рот залетал снег. Я пронесся с небывалой скоростью до конца улицы и, врезавшись в сугроб, вылетел вперед, а санки остались торчать в снегу. Земля выпрямилась обратно, сделавшись ровной, как и была прежде. Вот это да. Вот так ударился, хорошо, что не потерял сознание. Иначе завтра вся школа обсуждала бы мой найденный на дороге, обглоданный бродячими псами труп. Я отряхнулся, вытащил сани и пошел дальше, чувствуя сильное жжение кожи в области колен и голени.

Хрустящий, словно квашеная капуста, снег, выдавал мои шаги, я то и дело оборачивался, вглядывался в темноту, крутил головой, будто фонарь морского маяка, настороженно проходя полный круг своим зорким, прищуренным взглядом. Добравшись до двери заднего хода, я прижался к ней максимально близко, плотно прислонив ухо, которое тотчас примерзло к ледяному металлу. За дверью было тихо, я стянул варежку, достал все три ключа и, сразу найдя среди них нужный, открыл дверь. Внутри меня все трепетало, такое под силу только героям заграничного боевика, что показывают в праздничные дни по телевизору. А тут вдруг на месте главного героя я сам, не верится, будто бы это происходит во сне.

Я поднял санки и тихо прошел по узкому темному коридору в кухню. Включил фонарик, осмотрелся. Вся кухня была уставлена разными по размеру алюминиевыми кастрюлями, на которых была изображена цифра восемь, все они были грязные, покрытые толстым, вековым слоем пыли. «Почему их все пронумеровали одним числом?» – задумался я, вспомнив десятку на огромном котле с борщом, что варит кухарка к обеду. Затем направил луч на стену и поначалу даже не понял, что это, взгляделся – по углам висала огромная длинная паутина, свисающая до пола. Меня охватил ужас, я поставил санки на пол и тут же понял, что они наконец-то, после долгих скитаний, попали домой.

«Нужно бежать отсюда, пока не поздно, бежать и не оборачиваться», – говорил я себе, но ноги не слушались моей команды, они медленно продвигались вперед, прошли актовый зал, коридор, раздевалку. Все стены покрывала мокрая, вонючая плесень, живущая своей жизнью, она извергала густую слизь, что стекала со стен и двигалась вперед, словно подталкивая следовать за ней. Я шел по заброшенному лет сто назад зданию и не понимал, как это может быть, ведь еще вчера школа выглядела совсем иначе. Впереди показалась тусклая полоска света, я тут же выключил свой фонарик, свет горел в подсобном помещении, где наш завхоз хранил свой инвентарь и вообще проводил все рабочее время. Я подкрался и заглянул в узкую щель над нижней петлей, Петрович спал на длинной деревянной лавке, поджав ноги, обу-

тые в валенки, и накрывшись грязной рабочей телогрейкой, которая вибрировала от храпа, когда он вдыхал сырой, влажный воздух. Мне стало жаль его, я подошел и заглянул ему в лицо, оно было серым и неприятным, раньше он выглядел намного лучше, наверно, еще не оправился после болезни. Храп на минуту затих, и я бесшумно удалился из его покоев, дождался, пока он снова захрапел, и, включив фонарь, пошел дальше. С потолка свисали большие капли, они с тяжестью отрывались и летели вниз, создавая красивую мелодию. Я вслушался и понял, что музыка доносится из кабинета на втором этаже, где стоит рояль. «Беги, беги, беги», – шептали ноты прямо мне в ухо, но я не мог, мне хотелось знать больше.

Лестница почти разрушилась, некоторые проемы обвалились, образовав метровые дыры, металлические перекладки, покрытые багровой ржавчиной, торчали в разные стороны, как после взрыва. Я осветил фонарным лучом дыру, через которую мне предстояло перепрыгнуть, оценил свои силы и нерешительно шагнул вперед. Я не славился успехами в прыжках в длину и хорошей физической подготовкой, что сильно омрачало мои шансы попасть на второй этаж, это что-то вроде испытания, которое мне предстояло пройти, я медлил, пытаюсь найти предлог повернуть обратно, но все же находил в себе силы не отступить. Подумал о ключах и кабинете на третьем этаже, училке по музыке, ее глазах и поступке. Выдохнул. Выставил одну ногу вперед, вторую отвел

назад, набрал в грудь воздух, зажал фонарик передними зубами, раскачался и что было сил прыгнул вверх. В полете я вспомнил, как позапрошлым летом мы бродили по заброшенной стройке, залезли на трубы, которые пролегали вдоль всего здания в паре метров от земли, и кто-то из ребят командовал: «Наперегонки!» Я уже не помню точно, кто это был, может, Ден, или Сашка, я дернул со всех сил, вырвавшись вперед, что со мной происходило крайне редко, почувствовав то самое мгновение победы, как тут же моя нога соскользнула с блестящей алюминиевой поверхности трубы и я упал, сломав руку в двух местах сразу, ночью был жар, а утром мой торс обернули в толстый неподвижный слой белого гипса, прибинтовав руку на два месяца. Я готов снова упасть и сломать даже обе руки, если взамен санки вернут мою жизнь обратно.

Я схватился за первую ступеньку обеими руками, ударившись подбородком и выронив изо рта фонарь. Мое тело наполовину свисало, я перехватился одной рукой выше, второй уцепился за торчащий железный прут, оставалось только подтянуться на локтях и занести колено. Это как раз то упражнение, за которое в прошлой четверти на итоговом уроке физрук вlepил мне жирную двойку, сказав с привычной ему ухмылкой, что я похож на висящую из носа соплю, и ловко продемонстрировал подбрасывание своего тела вверх. «Вот так нужно уметь», – укорил он, оказавшись над перекладиной за долю секунды. Папа не ругал меня в тот день,

а лишь сказал, что гораздо важнее накачать мозг, а накачать тело можно в любой момент при желании.

Но я не накачал и беспомощно висел, как сопля из носа, в полной темноте, руки устали и медленно поползли к краю, вниз полетели мелкие камушки, они беззвучно парили почти минуту и лишь потом отозвались глухим эхом так далеко, будто их бросили в глубокий, бездонный колодец.

Еще один сюрприз – куда же делся первый этаж? Меня охватил пронзающий все тело страх, я забыл про усталость рук и начал судорожно карабкаться вверх, не жалея пальцев, что скользили по влажной, грязной ступеньке, цепляясь за все, что удавалось нащупать. Умереть в школьной бездне я не хотел совершенно, ведь в ней мое тело не найдут, родители даже не смогут достойно похоронить своего недостойного сына, лучше бы меня загрызли собаки или я замерз в сугробе. Еще немного, и мой тяжелый белый живот окажется на нижнем ярусе, я дотянулся до следующей перекладины и закинул правое колено на ступеньку, затем левое, перевернулся на спину, освободив парализованные тяжестью моего тела руки. Это была победа. Выдохнул и подумал про обратный путь, он будет легче, так как прыгать придется вниз, а не вверх. Фонарик лежал на ступеньке и светил в стену, я поднял его, поправил штаны и пошел вперед. Это был третий этаж, а не второй, хотя я преодолел всего один пролет. «Но тем и легче», – думал я, осматривая коридор, казавшийся уже и длиннее обычного, я шел по правому крылу к ка-

бинету литературы, который был последним, замыкающим на этом этаже. Размахивая фонарем, я считал двери, обычно их всего шесть, я прошел одиннадцатую, а коридор все не кончался. Впереди на меня смотрела темная бездна, она звала меня, растворяя луч света своей тьмой, я остановился и обернулся – то же самое, такая тьма, что хоть глаз выколи. Я опять посмотрел вперед, назад, вперед, стена с одной стороны, стена с другой. Вперед, назад – я запутался и потерялся, развернулся, как мне показалось, к выходу и побежал, направив луч света на двери кабинетов: 1-й, 2-й, 3-й... 45-й, я выдохся. «Чертовы санки!» – крикнул я так громко, что эхо пробежало по всему этажу и вернулось ко мне буквой «и-и-и-и-и...», будто кто-то усмехнулся надо мной. Я отдышался, сделал четкий разворот в другую сторону и побежал, отсчитывая кабинеты обратно: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й... 61-й, – я упал на колени, бросив фонарь на пол с силой и злостью, он ударился, откатился вперед и погас. Наступила полная темнота, я завыл, словно волк в глухой ночной тайге, мое отчаяние вырвалось наружу и побежало надрывистой трещиной по старым, разрушенным стенам бездушного коридора. Я лег и закрыл глаза.

Вдруг между веками показалась тонкая полоска света, я вскочил и увидел, как в школьное окно пробивается утренний рассвет. На стенах проявились светло-синие пятна, они расплзались все больше и больше и вскоре слились в единое. Стены стали обычного синего цвета, дверей было шесть,

я посмотрел на каждую – 31-й кабинет, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й и 36-й – кабинет литературы, тот самый, что замыкает правое крыло. Солнце с необычайной скоростью поднялось над лесом и освещало привычную мне, ненавистную школу. Я поднял фонарик, положил его в карман и подошел к окну. По дороге проехал автобус, а сразу за ним показались несколько человек, это первые ученики, значит, уже восемь часов утра. Я занервничал больше прежнего и побежал прочь. Нет, выйти через главный вход мне не удастся, тройка апостолов наверняка уже стоит внизу на дежурстве. Я снова выглянул в окно – ученики, словно насекомые на сладкое, стекались к дверям школы. Что же делать? Я ударил кулаком в стену и вспомнил, что рядом с 36-м кабинетом, в тупике есть маленькая закрытая дверь – это запасная пожарная лестница, которой никто не пользуется уже очень давно. Я достал ключи из кармана в тот момент, когда с лестницы уже слышались первые шаги, один из ключей, тот, что открыл дверь дома, выглядел по-новому, я сунул его в замочную скважину и, ловко сделав три оборота, оказался в узком проходе, заваленном ведрами и старыми стульями. Спустился вниз, открыл тем же ключом и вышел на улицу. Дежавю не покидало меня, в очередной раз я крался вдоль кустов, убегая из школы в страхе быть замеченным, словно вор, вернувший украденную вещь на место.

Добравшись до дома, я тихо дернул за ручку двери, но она была закрыта, родители ушли на работу, думая, что я сплю

в своей комнате. Я достал ключи, но ни один из них на этот раз не захотел отпираться, все они приняли изначальный вид и никак не желали меняться. Я сидел под дверью весь день и теребил их в руках, мысленно умоляя отпереть замок, но это не помогло.

Мама пришла ровно в шесть и впустила меня в дом, я снова не смог объяснить, как оказался по ту сторону закрытой двери и почему моя одежда грязная и мокрая, будто я валялся в канаве. На семейном совете они решили, что я нашел еще один запасной ключ и снова удрал ночью из дома, после чего долго спорили, а я сидел на стуле и думал, что происходит с моими ногами, они горели от колена и ниже, как облитые кислотой, стопы словно окаменели и не хотели шевелить пальцами. Наконец-то я добрался до ванны, снял одежду и осмотрел себя: мои ноги сморщились, кожа над коленями нависала, напоминая сдутый воздушный шар, ступни были отвратительного желто-серого цвета, а кожа толстая, грубая и шершавая, темно-синие ногти загибались вниз. Я встал под душ и судорожно начал смывать с себя неожиданно обрушившуюся старость, вспоминая, как видел подобные ноги в больничной палате, когда приходил навещать папу после удаленного аппендицита. С ним рядом лежал дряхлый старик, неаккуратно накрытый простынкой, из-под нее торчали конечности, в точности похожие на мои. Этот старик умер через несколько дней, но еще долго представлялся мне лежащим рядом с папой. Я плакал, подставив лицо под летя-

щие сверху капли воды, и молил прекратить издеваться надо мной, боясь открыть глаза. Мама постучала в дверь, услышав мой стон.

– У тебя там все в порядке? – крикнула она в щель.

– Да, я просто ударился, скоро выхожу, – ответил я подготовленным голосом, но снова расплылся плаксивой гримасой.

– Поторопись, мы с папой придумали тебе наказание, ждем на кухне, – сказала мама строгим голосом и ушла.

Закончив мыться, я увидел, что мое тело по-прежнему уродливое, замотался полотенцем, максимально скрыв нижнюю часть, и с ужасом поднял голову, встав перед запотевшим зеркалом, стер локтем пар, ожидая увидеть в нем все что угодно, и открыл глаза: выглядел как обычно, только глаза заплаканные и подбородок поцарапан. В комнате надел штаны и толстые шерстяные носки, на моих руках осталась отвратительная омертвевшая кожа, я убрал ее, сразу после меня стошнило прямо в комнате. Я снова убрал, действуя тихо и осторожно, чтобы избежать очередной череды объяснений, которая, как снежный ком, навалилась и молча ждала на кухне.

Я вошел и, опустив голову, сел на стул провинившегося. Мама налила папе только что сваренный кофе, он сделал глоток и, сморщив лицо, потянулся за сахарницей.

– В последнее время... – начал отец.

– Мы вообще не понимаем тебя, что происходит? – нерв-

но перебила его мама, всплеснув руками, будто томила эту фразу целый день.

– Ты расскажешь, как сумел открыть дверь и зачем снова пошел на улицу ночью? – вставил папа свой вопрос в паузу между мамиными вздохами и посмотрел на меня.

Я отрицательно помотал головой. «Если я расскажу и даже если предположить, что мне поверят, я подвергну их риску оказаться в этом аду вместе со мной, санки кровожадно заберут и их жизни, а этого нельзя допустить», – думал я. Папа тяжело вздыхал, размешивая сахар в кружке с кофе, готовясь сказать мне что-то ужасное.

– Тогда, – тихо продолжил он, – ты лишаешься всех удовольствий и развлечений до тех пор, пока не наладишь учебу и свое поведение, также ты не будешь ходить гулять и общаться с друзьями.

– Это все? – уточнил я, когда папа поднес кружку к носу и вдохнул кофейный аромат.

– Нет, – хлебнул он, – это не все. – Образовалась тишина, мама внимательно посмотрела на меня, дублируя эмоции отца. – В случае, если ты не сможешь с собой совладать, тебе придется поехать в школу-интернат для исправительного обучения и жить там, вдали от нас, долгое время.

– Понял, – произнес я, не понимая своих чувств, пытаюсь представить дальнейшее развитие событий. Может, оно и к лучшему – я уеду и перестану быть для родителей проблемой, они заживут хорошо, и, возможно даже, у них родится

другой ребенок.

В понедельник утром, спрятав санки под кровать и надежно задвинув их коробками, надев двое штанов, чтобы скрыть свои искореженные старостью, скривившиеся ноги, я отправился в школу. С полным рюкзаком сделанных под маминым чутким руководством уроков. Первой была музыка, я пришел в класс и сел на свое место, достав все необходимое. Одноклассники приветствовали меня восторженными криками: «Смотрите, Васин, придурок, чего ты пришел?», «Хочешь еще получить, да?», «А правда, что ты сумасшедший?» Девчонки отсаживались от меня подальше, в страхе, что я заразный, они брезгливо обходили мою парту вокруг, прикрыв руками нос. Ден схватил мой рюкзак и бросил его в толпу учеников, что собрались кучкой и торопливо списывали математику у Женьки, предварительно договорившись с ним поделить обедом. У меня тоже была сделанная математика, и я готов был дать свою тетрадь для списывания, без всякой платы. «Эй, – крикнул Ден, – кто водит?» – мой рюкзак летал над головами до тех пор, пока в класс не вошла Муза. Та самая, что указала мне на ключи. По телу побежали мурашки, я встал и что есть сил потянулся к ней. Что-то сильное и поразительно притягивающее связывало нас в этот момент, она казалась мне самым близким человеком во всей школе, но я не знал, было ли это чувство взаимным.

Меня отрезвил рюкзак, прилетевший мне в спину и упавший между моей и девчачьей партой. Все затихли и расселись по местам.

– Здравствуйте, – сказала она своим нежным, бархатистым голоском и начала урок.

Я смотрел в оба глаза, пытаюсь разглядеть очередную подсказку или знак, который помог бы мне с дальнейшей головоломкой, но вместо него я услышал, как перешептываются сзади:

– Смотрите на Васина, кажется, он сейчас перевалится вперед, хи-хи-хи, – сказала одна из отличниц, оголив свои большие некрасивые зубы.

– Он уснул стоя, хи-хи-хи, – ответила подруга, забросив черные тонкие косы за плечи.

Я заметил, что до сих пор стою, когда все давно сели и открыли тетради с текстами праздничных песен, и тоже сел, все еще вытягиваясь вперед. Муза вела урок, не подавая вида, что помнит про случай в учительской, повторила со всеми песню, а после прошагала своими тонкими ножками к инструменту и звонко, задрав нос вверх, попросила всех построиться в хоровой ряд. Мы построились, сзади меня толкнули, я встал в первый ряд, но и оттуда меня выкинули, я встал слева, рядом с Сашкой, и сразу заметил недобрый взгляд Дена – и тут мне не рады, я переметнулся в край справа.

– Васин, ты долго будешь всех задерживать? – спросила

Муза, сидя за пианино ко мне спиной и наблюдая за происходящим в отражении черной лаковой глади.

– Простите! – мои щеки запылали, будто получили пощечину, а ребята, заметив это, тихонько захихикали.

Теперь мне точно крышка, они же не слезут с меня после такого.

– Васин! Покинь класс, прошу тебя, ты срываешь мне урок! – Муза была мной очень недовольна.

Пришлось мне покориться ее велению, я, не поднимая глаз, вышел за дверь и сел на пол напротив класса. Мои веки потяжелели, я закрыл их и вдруг почувствовал, как ее красная лодочка жадно надавила на тонкую золотистую педаль, а изящные пальцы соприкоснулись с белоснежными клавишами. Глаза, опущенные вниз, умиротворенно, но чувственно скользили вслед за кистями рук. Музыка заиграла где-то внутри меня, в самой глубине моей отчаявшейся души. Я закрыл глаза, вслушиваясь в каждый произведенный ею звук, представляя, как ритмично тают клавиши под ее руками, повторяя их идеальное движение. Это было так по-настоящему, что хотелось утонуть и раствориться в этом моменте навсегда.

Когда прозвенел звонок, я не смог сразу подняться, как сделал бы это раньше. Просидев все полчаса на полу, я постарел еще лет на 10 или 15, не скажу точно, потому что старею впервые и еще не совсем привык к этому процессу. Лишь мое лицо оставалось неизменным, а все остальное тело по-

степенно становилось негодным.

Путь домой лежал через весь город, неуклюжие ноги тонули в вязком снегу, проскальзывали, топчась практически на месте. Такими темпами доберусь только к вечеру, размышляя, я присел отдохнуть на прилегающую к забору скамейку. Все, кто вышел со мной, уже давно скрылись за поворотом, дорога опустела. С недавних пор я стал любить одиночество и тишину. «Разве есть что-либо прекраснее этого?» – думал я, начиная стремительно забывать свою прежнюю жизнь, хоть и не остывал желанием и надеждой вернуть ее обратно.

Вдруг вдалеке, на параллельно пролегающей дороге, что вела в противоположную сторону от моей, я увидел большой переваливающийся силуэт, точнее, верхнюю часть его, отрезанную по пояс сугробом. Знакомая шаль и походка – это она, кухарка! «Вот он – нужный момент!» – вскрикнул я, испытав прилив сил, выброшенный в мой организм вновь засверкавшей надеждой. Я вскочил и, забыв про старость, неуклюжей походкой калеки помчался за ней. Нагнав, нырнул в сугроб и притаился. В целом я был вполне готов к откровенному разговору наедине, рассказать ей, что украл санки, но честно, вот уже долгое время пытаюсь безуспешно вернуть их обратно.

Немного помедлив, я пополз по снегу вдоль тропы, выбирая подходящий момент, чтобы вылезти, поднял голову и увидел, как кухарка вынырнула из-за сугроба, свернула с

тропинки на большую дорогу, а за ней, к моему большому изумлению, послушно выплыли и повернули санки, на длинной растрепавшейся веревке.

Я упал в сугроб лицом, то ли от шока и неожиданности, то ли от паники. Снег зашипел подо мной, остужая мою возбужденную физиономию. «Как так?» – открылась мне новая страница этой запутанной истории, утром я спрятал их под своей кроватью. Значит, все, что я делал до этого, было бессмысленно, санки просто смеялись, цинично наблюдая за моими угрызениями совести.

Времени на размышления не было, я вскочил и что было сил погнался за ними. Кухарка шла очень медленно, переваливаясь с одной ноги на другую и при этом хрипло, свистяще дышала. Я тоже однажды издавал такое дыхание, это было пару лет назад, зимой, тогда я на спор в 20-градусный мороз растопил ртом самую большую сосульку, что свисала с козырька подвального входа. После две недели провел в постели, а все вокруг прыгали и говорили, что это бронхит. Зато я выиграл спор, а это важнее, хотя сейчас я бы уже не рвался так слизывать сосульки, а занялся чем-то более толковым, даже если бы меня заочно признали проигравшим.

Я нагнал санки, обошел их справа и пристроился к ее шагу, делая вид, что просто иду параллельно, искоса рассматривая ее руки.

– Добрый день, – дрожащим голосом произнес я и вдруг почувствовал характерный запах. Он меня несколько не сму-

тил, потому что, во-первых, я к нему привык, а во-вторых, санки были нагружены сумками и кастрюлями с остатками школьной еды.

– Здравствуй! – произнесла она и немного сдвинулась влево, освободив мне дорогу.

– А давайте я помогу, – и потянулся к ее руке, чтобы взять веревку.

Глаза ее забегали, а взгляд отражал полное недоумение. Она протянула руку и немного нагнулась, так как была несколько выше меня. Запястье кухарки оголилось, на нем, словно ожог, сияла багровая восьмерка, перевернутая в знак бесконечность. Я вздрогнул внутренне, но постарался не подать виду, вспомнив эту цифру, изображенную на всей кухонной утвари. Решительно взял веревку и двинулся вперед, санки казались непривычно тяжелыми, сапоги проворачивались в рыхлом снегу, еще более утяжеляя мой путь. Ее глаза, к моему удивлению, наполнились страхом, они бегло скакали из стороны в сторону, ожидая, что будет дальше. Я понял, что это мой шанс все исправить и немедленно начал:

– Я хочу попросить прощения. Это я украл ваши санки в тот день, когда они стояли у задней двери. Было игривое настроение, и мы с ребятами вышли из школы...

– Ты украл их не у меня, – вставила она в паузу и посмотрела вдаль, немного прищулив глаза, раздраженные ярким дневным светом.

– А у кого? – опешил я.

Санки тянули меня назад, будто бы желая вырваться из моих рук и умчаться прочь, но чем тяжелее они становились, тем сильнее я сжимал веревку в кулаке.

– У хозяина, – сказала она и свернула на узкую улочку, на которой я не бывал ни разу.

Надо же, удивительно, казалось, знаю наш город как свою квартиру, он, собственно, и не сильно больше, мы исходили все вдоль и поперек, облазили все дома, стройки, склады и помойки, но тут я нахожусь впервые. Старые деревянные дома, покосившись, стояли по обе стороны и неподвижно с недоверием рассматривали меня.

– А кто их хозяин? – поинтересовался я.

– Не знаю, иначе уже вернула бы, – ответила она с сожалением, затем немного подумала, остановилась и, глядя на меня, спросила: – Ты украл их?

– Да! – восторженно воскликнул я. – Украл! Но уверяю, я не хотел этого делать, я готов искупить свою вину как угодно, лишь бы они больше не приходили ко мне, пожалуйста, помогите!

Она вздохнула, посмотрела на меня еще раз, взяла их за веревку и свернула на узенькую глубокую протоптанную тропинку, что упиралась в деревянную калитку. Санки тяжело, но послушно поползли за ней. Калитка скрипнула.

– Их нужно вернуть хозяину, – еще раз разъяснила она, – поторопись, у тебя мало времени.

Я упал на колени и посмотрел вверх, желая ледяного вдо-

ха, словно находился в душном помещении, встречая открытым ртом белые холодные хлопья, только что закружившиеся в воздухе.

Я знал много всего и одновременно ничего, чтобы помочь себе. Ее слова еще больше запутали меня, но вместе с тем приблизили к разгадке. У них есть хозяин, а у меня есть три ключа и кабинет литературы, до которого я все еще не смог добраться. Вдруг я почувствовал, что разгадка близко, она именно там, поэтому я не смог в прошлый раз добраться до кабинета.

На днях в нашем доме возникли проблемы с отоплением, это оказалось мне на руку, я ходил в двойных штанах и теплых носках, чтобы изменения моего тела не были заметны, а папа в это время закалялся, делая зарядку в триста приседаний в одних трусах и резиновых шлепках, призывая меня присоединиться. Я отрицательно мотал головой, глядя на маму, завернутую в шаль и ругающуюся на коммунальные службы, как будто это поможет делу. Холод спас меня временно, утром мама зашла ко мне в комнату и заметила, что кожа на локтях потемнела и сморщилась, я и сам заметил это только вместе с ней, наивно полагая, что процесс старения замедлится в связи с холодом. Об этом я узнал из папиного научного журнала, в котором описывался опыт ученых, изобретавших криокамеры.

Мама, со свойственной ей истерией обзвонив всех, повезла меня в экстренном порядке в больницу, решив, что проявления на моих руках – это обморожение. «Я их засужу!» – кричала она, размахивая кулаком перед своим лицом. Мне было ужасно жалко ее и тех, кого она собирается засудить. Сидя в автобусе, я упирался лбом в стекло и давил подкатывающую сентиментальность, всхлипывал на кочках, немного подпрыгивая вверх, и плакал у всех на виду, даже не пытаюсь скрыть своих эмоций.

Больше часа мы просидели в очереди, я выслушал все о жизни бабки в красном халате и знал наизусть историю болезни старушки в коричневом. Удивительная вещь – совершенно ненужная информация напрочь залипает в коре головного мозга и хранится в ней в целости и сохранности вечно, а что-то полезное, как правило, испаряется из моего сознания мгновенно, словно мокрое пятно под палящим летним солнцем. Наконец-то нас приняли. Хирург неохотно осмотрел мои локти, небрежно прощупал живот в области кишечника, затем положил на кушетку и прощупал печень. Он смотрел на меня сверху, его зрачки расширились, а пальцы стремительно проникали вглубь, вдавливая мои органы в позвоночник. Затем доктор, освободив меня из своих сильных рук, опросил, есть ли жалобы помимо локтей, и, получив отрицательный ответ, отправил меня к дерматологу, написав в диагнозе «аллергические высыпания на коже». В следующем кабинете меня попросили раздеться полностью, с чем я категорически не согласился.

– Я не могу снять штаны, – униженно склонив голову, начал объяснять врачихе и ее медсестре, которая казалась старше меня всего на пару лет. Ее возраст не смущал, а, наоборот, служил хорошим предлогом не раздеваться, и я даже искусственно покраснел, чтобы убедить ее старшую коллегу.

– Ну хорошо, – после недолгих уговоров сказала она и посмотрела на меня сквозь сдвинутые на кончик носа очки. – Есть ли на теле еще какие-то подобные высыпания или из-

менения?

– Нет, только локти! – уверенно заявил я и добавил: – Наверное, мандаринов объелся.

– Больше не ешь, – царапая ручкой рецепт, сказала докторша.

Собственно, и не собирался, мандарины – большой дефицит и достать их возможно только в праздники, странно, что я согрешил на них, а не на мед, которого у нас пруд пруди. Иногда, а точнее, часто, правильные мысли приходят гораздо позже нужного времени, ставя меня в неловкое положение.

– Вот, возьми, – медсестра протянула рецепт с названием мази и очень мило, игриво улыбнулась.

Я снова покраснел, но в этот раз по-настоящему.

Мама ждала в коридоре и, увидев меня, сразу подскочила с вопросами:

– Ну что сказал врач? – она теребила в руках ремешок от сумочки и какую-то свернутую бумажку.

– Сказали, не есть мед, на него у меня аллергия, – пояснил я маме.

– А лекарство выписали? – выходя из поликлиники, спросила она.

– Нет, сказали, само пройдет, – я смял выданный рецепт в кармане и незаметно бросил его на землю, когда заходил в автобус, все равно это не поможет, зачем просто так тратить мазь, пусть она достанется тому, кому действительно нужна.

На обратном пути мама вспомнила про бумажку, что те-

ребила в руках все это время, развернула ее и, размахивая перед моим носом, закричала:

– Вот послушай, мне посоветовали отличного врача, он невролог, или невропатолог, точнее, психотерапевт, – возбужденно перечисляя, она схватила меня за руку и потянула к выходу, когда автобус остановился на нужной нам остановке. – Профессионал, и не такие случаи лечил, все будет хорошо, – уверовав в собственное убеждение, продолжала она. – Я запишусь на эту неделю, а еще...

– Мам! – перебил ее, не желая втягивать в свои дела и лишний раз беспокоить. – Я сам во всем разберусь! Мне не нужны врачи, осталось немного, просто потерпи и все будет как прежде, ладно?

Мы вошли в квартиру, мама молча разулась, бросив сапоги на пол, закрыла лицо руками и очень тихо заплакала, еле-еле всхлипывая в платок, только я один слышал ее оглушительный рев, разрывающий меня на куски, словно низкочастотный гул, способный выбить барабанные перепонки. Я обнял ее и пообещал, что все будет хорошо, стирая черные слезы с ее покрасневших щек. Мама поверила и успокоилась, мы пообедали, и я проводил ее на работу.

Утро.

Морозно. Солнце поднялось над лесом и повисло на кончиках самых высоких деревьев. Снег хрустел под ногами, я дышал открытым ртом, словно собака, и думал о сегодняш-

нем дне. Ненавижу школу, ненавижу всех, кто там есть, особенно Дена и Сашку, а еще противных девок, что постоянно раздражительно хихикают, думая, что они самые умные. Я представил, как беру большие ножницы и отрезаю их ненаглядные косы, вот бы я посмеялся, глядя на их слезы! Почему санки пришли ко мне, а не к Дену? Да, за веревку схватился я, но идею подал он, ведь зачинщик всегда несет ответственность наравне с исполнителями. Не помешало бы его проучить как следует, чтобы знал свое место, а не мнил из себя самого главного в классе. На этой ноте я дернул ручку школьной двери и распахнул ее во всю ширь. В раздевалке, разбившись на группы, шушукались одноклассники. Я услышал голос Дена и притаился, зарывшись в одежду, которой висело уже достаточно, чтобы затеряться. Ребята говорили про новую игру и обсуждали поход через железку после уроков. Мне стало грустно, ведь раньше мы всегда ходили вместе, кидали снег с моста на проезжающие поезда и восторженно кричали, стоя над несущимся навстречу составом. Я все потерял из-за этих санок, больше в моей жизни нет радости и веселья, даже не вспомнить, когда последний раз мне приходилось улыбаться. Я растянул губы в стороны, имитируя радость, и еще раз подумал про отличниц и их лысые головы. Рядом слышалось шепуршание, оно осторожно подкрадывалось, не замечая моего присутствия. Я посмотрел вниз и увидел медленно продвигающиеся вдоль ряда с одеждой небольшие черные сапоги. Размера, примерно тянуще-

го на второй-третий класс. Маленькая ручка осторожно ныряла в карманы одежды, шарила и выныривала обратно. Я вспомнил, как неоднократно из моих карманов после уроков пропадали вещи, это был игрушечный пистолет, конфеты, мячик для тенниса, и еще пару раз пропадала мелочь. Однажды пропал брелок, что подарил отец, – это был маленький складной ножик, я горевал по нему сильнее, чем по пистолету и конфетам. «Так вот кто это ворует», – подумал я и решил сдать вора апостолам, но тут же очнулся, вспомнив санки. Я беззвучно схватил его за руку, когда он подобрался вплотную, сжал маленькую холодную кисть в своей ладони с необычайной силой и притянул его к себе – нос к носу. В раздевалку вошли несколько человек и рассредоточились в рядах сзади нас. Вор смотрел на меня парализовано испуганными глазами, ужас застыл на его лице, будто он увидел свою смерть, вот-вот собираясь заорать во весь голос. Я был пауком, а он несчастной мухой, угодившей в мою паутину. Я поднес указательный палец к своим губам и прошипел, глядя на него: «Тссс!» А затем заметил свое отражение в его зрачках и сам застыл в таком же ужасе, потому что был страшным, мерзким уродом. Моя кожа покрылась слоем отвратительных гниющих бородавок, глаза налились кровью, а руки превратились в серые уродливые закорючки. Я отбросил его вперед, в кучу с одеждой, выбежал вон и скрылся в туалетной комнате. В зеркале мое отражение вернулось в норму, я немного отдышался, пригладил вспотевшие волосы набок и

пошел в класс, стараясь забыть об этом инциденте и сосредоточиться на сказанных кухаркой словах. До урока оставалось немного времени, я решил подняться на третий этаж, в класс литературы. На первом уроке его заняли девятиклашки, они сидели разбившись на группы и что-то увлеченно обсуждали. Никто не скакал по классу как заведенный, не кидался портфелем и не обзывался. Вот бы мне сразу перескочить из пятого в девятый и жить нормально в цивилизованном обществе, Ден больше никогда не решился бы подойти ко мне, побоявшись моих новых одноклассников. Ради этого я готов освоить за лето всю необходимую программу и сдать экзамены. Возьму идею на заметку и поговорю о ней с завучем, как только разберусь с санками.

Класс выглядел обычно, я осмотрел стены, потолок, полки с книгами, пол. Полки с книгами – вернулся я взглядом обратно. Казалось, они ничем не отличались от обычных, но, немного приглядевшись, я заметил...

Прозвенел звонок. Все расселись по местам, один я остался стоять посреди не своего класса.

– Васин! – голос в спину ударил словно электрический ток. – Ты что тут делаешь? – спросила Ольга Борисовна.

– Я, я, я перепутал, простите! – Схватив свой упавший на пол рюкзак, выскочил из класса и побежал в свой, закрывшийся прямо перед моим носом.

– Простите, можно войти? – спросил я, чувствуя, как сводит правую ногу.

– Заходи, – пренебрежительно сказала математичка, даже не взглянув на меня.

На уроке я отличился, но не в обычную сторону, а в обратную: решил задачу у доски, ответил на все устные вопросы и даже помог Витьке доделать его вариант, когда у меня осталось немного свободного времени. Дроби оказались несложной темой, которую мы прошли еще в прошлой четверти, и я легко справился с ней. Дену она далась сложнее, он ничего не решил, а болтал весь урок с Пашкой, сидя за последней партой. За минуту до звонка математичка объявила оценки за урок: у меня – 5, у Витька 4, а Дену вlepила $2/2$ – за работу в классе и домашнюю, но его слова учительницы ничуть не напугали, он даже не поднял голову, услышав свою фамилию. Есть только один человек на свете, которого боится Ден, – это отчим. Я видел его однажды и могу признаться, что сам испугался не на шутку, хоть и не имею к нему отношения. Он высокий, жилистый, руки от плеч и до кистей покрыты татуировками, ходит в оборванной майке и всегда держит сигарету во рту. Отчим моложе его матери почти на 10 лет. Однажды пришел на собрание и вмазал Дену по лицу при всем классе, потом бросил его на пол и прижал ногой так, что казалось, кости потрескаются, словно ореховые скорлупки. После этого случая Ден был как шелковый целую четверть, а потом вернулся к привычному поведению.

Я сложил учебники, а Витька в это время достал из портфеля мятый бутерброд, разломил его пополам и протянул

мне большую часть.

– Спасибо, не голоден, – поблагодарил я Витька, разглядывая его грязные, засаленные колбасой руки.

Мне правда очень приятно его внимание, а точнее – плата за помощь в математике, но это против моих правил. Я строго убежден, что помогать людям нужно бескорыстно, искренне и от души, а делать это за еду унижительно, для самого себя в первую очередь. Ден тут же выбил еду из его рук, неожиданно оказавшись сзади.

– Так-так! Это кто тут у нас подружился с чокнутым? Против класса пойдешь? – Ден схватил Витьку за грудки, а ногой наступил на половину его бутерброда, что упала на пол.

Рубашка затрещала, и кусок воротника оторвался, оставшись в его кулаке. Витек захныкал, то ли от испуга, то ли от жалости к бутерброду. У меня в венах забурлила кровь, она быстро заполнила пустые тонкие вены в руках и ногах, сделав их непривычно сильными, во рту появился странный привкус сигарет. Я пробовал курить лишь однажды, это было очень давно, на холме, что отделяет наш город от всего остального мира, и мне тогда это занятие сильно не понравилось.

– Оставь его в покое! – сказал я не своим голосом, схватил Дена за руку и отшвырнул в середину класса с такой силой, что он отлетел и ударился о парту.

Парта завалилась и упала, толкнув следующую, та в свою очередь толкнула третью, весь ряд с грохотом падал на пол,

разбивая лед моего негодования, что таилось внутри меня долгое время. Дену было очень больно, но он поднялся и принял позу, выставив кулаки вперед. Ребята обступили нас, готовясь наблюдать драку.

– Лучше не вставай! Лучше не вставай! – кричал настоящий я Дену, находясь где-то глубоко внутри этого чудовища, а зло, что овладело мной, рвалось в бой.

Ден ударил первый, его кулак попал мне в грудь, но удара я не почувствовал, в ответ схватил его руку и сжал с такой силой, что кости на этот раз действительно треснули, как ореховые скорлупки. Его лицо покраснело и затряслось от ужаса, я вцепился обеими руками в его шею и поднял все тело вверх, собираясь оторвать голову, будто это бутон весеннего желтого одуванчика, но вовремя обуздал свои чувства и просто отбросил его к стене, с силой еще большей, чем прежде. Класс застыл в ужасе, их лица были бледные, я вдохнул носом и почувствовал резкий запах страха, что наполнил класс. Девчонки завизжали от ужаса, мальчишки сторонились, пятившись назад, не в силах оторвать он меня взгляд. Мои глаза, налитые кровью, осматривали всех, видя в каждом человеке его слабости и пороки. Наконец я добрался до Витька, он стоял открыв засаленный колбасой рот и восторженно хлопал глазами.

Я остыл. Кровь побежала по сосудам в прежнем ритме, ребята выбежали из класса, а Ден продолжал лежать не шевелясь и жалобно постанывать. Я знал, что его кости перело-

маны, знал, какую боль он испытывает, но эти травмы были не смертельны, они даже не дотягивали до тех, что нанес он мне своими армейскими ботинками тогда у школы.

Я подал ему руку, чтобы помочь подняться, а после собирался обнять его и предложить перемирие. Он дал руку, оперся на меня, а второй вытащил из кармана маленький складной ножик и попытался ударить мне в ногу, но пальцы на руках отекли и никак не слушались его команды.

– Эх ты, – я бросил его на пол и вышел из класса.

Есть люди, которые не учатся на своих ошибках, а только усугубляют их с возрастом и опытом.

Я понял, что не в силах контролировать свой гнев, превращающий меня в красноглазое чудовище, способное убить всех, кто не поступает по-моему. Это сокращало время на раздумье, и я снова почувствовал, как закипает моя кровь, а кожа все больше съеживается и стареет. Вечер я провел в своей комнате, стараясь не показываться родителям на глаза под предлогом уроков, я обложился книгами и тихо сидел, рассматривая ключи и анализируя всю информацию, которую знаю. Надо бы еще раз поговорить с кухаркой, почему она возит эти санки, если они не ее. Меня тут же осенила мысль, которая была так очевидна, но не посещала меня ранее: ее ужасная кожа, красные глаза, санки – все это очень походило на то, что происходит со мной сейчас. Возможно, она тоже жертва. Нужно срочно увидеться с ней и все разузнать.

Мама принесла мне ужин в комнату и хотела осмотреть мои локти, но я отказался в жесткой форме, сказав, что уже все прошло. Затем в дверь постучали, я подумал о сегодняшнем дне – ведь это не может сойти мне с рук, весь класс видел меня чудовищем и то, что я сотворил с Деном.

Это оказалась та самая женщина – психолог из школьной комиссии, что приходила ко мне раньше, сегодня было назначено второе занятие с ней, а мне вот совсем не до нее

сейчас! Мама открыла входную дверь, а я одновременно закрыл свою на импровизированный замок, сделанный только что из бельевой веревки и резинки. Она попыталась войти, но дверь не поддавалась. Я написал ей записку: «Здравствуй-те, уважаемая дама! *(Я забыл, как ее зовут, а на долгие размышления не было времени.)* Прошу прощения, но сегодня я не смогу принять вас. Приболел. Надеюсь на скорую встречу».

Кажется, это вырванный кусок из какой-то недавно прочтенной книги, слова точно не мои, но мне понравившиеся. Я просунул записку под дверь и прислонился ухом. Тишина. Наверно, ушла. Я расслабился и лег на кровать, продолжая планировать.

Перед сном я заглянул в спальню к родителям.

– Спокойной ночи, мама, спокойной ночи, папа, – я послал им воздушный поцелуй своей состарившейся рукой, на которую набросил полотенце, имитируя поход в душ, таким образом скрыв изменения на коже. Они пожелали мне доброй ночи в ответ, и, уже закрывая дверь, я заметил, что на маминой прикроватной тумбочке стоит глиняная сахарница, что раньше стояла в шкафу в гостиной. Мама рассказывала, как бабушка лет сто назад купила ее у хромой женщины на гончарной выставке в Москве. «Неужели мама ест сахар по ночам?» – подумал я и поблагодарил родителей на сон грядущий за то, что облегчили мне задачу. Лучше иметь свой ключ, чем гадать, соизволит ли школьный отворить домаш-

ную дверь.

Ночь.

Я не стал дожидаться санок, так как не хотел тратить время, которое и без того подгоняло меня вперед. Собрался, взял фонарик, спички, маленький ножик (на всякий случай), тихо зашел к родителям и, убедившись, что они спят, взял из сахарницы ключ. Крышка звякнула в тишине под протяжный папин храп, я застыл в ожидании такого нелепого разоблачения, но и на этот раз мне чудом повезло: мама перевернулась на другой бок и заснула крепким сном. Я подошел к двери и чуть было не споткнулся обо что-то большое. «Ну понятно, без вас никак!» – прошептал я, скрутил длинную веревку, взял санки и вышел на улицу.

Это мое время. Белые хлопья, кружась в медленном танце, беззвучно и мягко ложились на землю, засыпая мои следы. Луна, оголив плечо, сквозь мутную небесную пелену привычно смотрела на меня, провожая в путь. Где бы я ни был, она всегда рядом, всегда смотрит и никогда ничего не говорит. Я привык к ночи, тишине, привык к санкам, что плелись за мной повсюду. Кожа на животе, спине и ягодицах сморщилась и покрылась редкими седыми волосками. Я заметил их еще днем и даже вырвал несколько штук, но сейчас они появились снова и непривычно щекотали мое измученное тело.

Я дошел до того места, где вчера мы с кухаркой повернули

на ее улицу, но сегодня все выглядело иначе: другие дома, заборы, лес стоит совсем не там, где стоял ранее. Я зажмурился, помотал головой и, открыв глаза, снова осмотрелся – место совсем другое. Я прочесывал улицу за улицей в поисках нужной мне, но ее, как назло, не было. Гнев подкрался незаметно, но очень внушительно, я обернулся, бросил веревку на землю и что было сил пнул санки ногой. Они отлетели назад, развернулись и остановились. Ничего не произошло. Я снова ударил их, а затем залез сверху и начал бить ногой по перекладинам со всей силы. На вид они тонкие и старые, но выдерживали мои удары очень стойко, ни одна из перекладин не треснула. Тогда я разозлился еще больше, достал спички из кармана и поджег кончик веревки. Синий огонек аккуратно, задыхаясь, пополз вверх. Я перевернул веревку, помогая ему разгореться.

«Огонь – это самая страшная стихия, способная безжалостно уничтожать все на своем пути», – говорила Вера Романовна на уроке обществознания», – вспомнилось мне вдруг.

Пламя охватило всю деревянную поверхность и безжалостно сожгло ненавистные санки. Я сел перед костром и закрыл лицо руками.

– Дурак, все же было так легко, а я не мог догадаться, мучил себя и всех остальных. Не прощу себя за тупость еще долго, – с облегчением причитал я, – не нужно искать хозяина, все закончилось. Если бы я сжег их раньше, когда они

первый раз явились ко мне, то избежал бы кучи проблем, которые теперь нужно решать, пока меня не исключили из школы. Огонь сжигает все, огонь меня спас, – повторял я словно мантру, глядя на пылающие санки.

– Эй! Ты чего там жжешь? – мужчина выскочил из своего двора в валенках, семейных трусах и с фонарем в руках. – Я сейчас милицию вызову! – продолжал он кричать.

Я посмотрел на пылающий костер, в котором виднелись почерневшие резные металлические полозья, и бросился бежать. Мужчина не сдвинулся с места, лишь поводил фонарем по дороге и исчез в темноте своего двора. Хорошо бы вернуться, но вдруг мужик окажется хитрее, вызовет милицию, как грозился, и меня снова заберут в участок. Я сидел в сугробе и размышлял о том, как правильнее поступить, но ничего лучше, чем отправиться домой, я не придумал. Утром мне обязательно нужно пойти в школу и рассказать кухарке, что я наконец-то победил санки.

Утро.

У школы стояли две милицейские машины, скорая помощь и еще какой-то непонятный служебный фургон. У входа толпился народ, младшие классы кучковались слева, на газоне, старших загнали на площадку для футбола. Я пробрался через толпу старшеклассников, нашел своих, встал рядом, немного позади, и прислушался к разговорам, параллельно высматривая в толпе Дена. Световой день заметно

прибавился, к первому уроку стало полностью светло. Завуч, набросив на плечи длинную, до пят шубу, придерживая ее на груди одной рукой, суетливо бегала от одной толпы к другой и что-то обсуждала с учителями, стоявшими на контроле у толпы учеников. Первоклашки кидались снегом, дрались, падали и строили крепость прямо у ног физрука, который стоял на страже, защищая проезжую часть от выпрыгивающих на нее детей.

– Что случилось? – спрашивали все друг у друга, передавая вопрос в первые ряды.

– Непонятно! – пожимая плечами, прикатывался ответ.

– Явно что-то случилось! – выкрикнул из толпы жирдяй из 7 «А». – Иначе бы нас тут не держали.

Я стал думать: «Может, это связано с санками? Их больше нет, возможно, это как-то отразилось на школе. Вдруг все из-за меня? Может, лучше удрать, пока есть такая возможность, сейчас на меня никто не обратит внимание, а вот потом... Но мне нужно поговорить с кухаркой, это срочно, она должна знать...»

– Круто ты Дена уделал вчера! – я услышал голос Сашки сзади.

Впервые за долгое время он заговорил со мной, и в его голосе звучала обнадеживающая нотка оптимизма.

– Да, спасибо! – расценив его слова как комплимент, я опустил голову и поджал губу.

Остальные ребята со мной не разговаривали, а лишь

скользили по мне недоверчивым взглядом снизу-вверх и брезгливо отворачивались, делая вид, что меня вовсе нет.

– А как ты сумел? Натренировался, что ли, пока болел? А ну, покажи бицепс! – Сашка схватился за мою руку, я тут же оттолкнул его, сам того не желая.

– Лучше не подходи, – с опаской для самого себя предупредил Сашку.

Он замолчал, глядя мне прямо в затылок. Во мне спорило непонятное, смешанное чувство обиды на него, страха и неконтролируемого желания вернуть все обратно. Забыть обо всем и начать с чистого листа. Броситься в сугроб, слепить оборонительную крепость, взять в команду Витька, Пашку, можно даже жирдяя из 7 «А», да и всех желающих, и устроить настоящую войнушку.

– Не тренировался я. Это все гнев, иногда он заставляет творить невероятные для самого себя вещи, – объяснил я Сашке, развернувшись к нему лицом.

Все засуетились, школьные двери распахнулись, но большего я не видел из-за толпы. Жирдяй встал на колени, а на него сверху залез длинный худощавый очкарик.

– Ну что там? – кричали обступившие их одноклассники.

– Народу много, все выходят, что-то несут. Завуч наша с ними, прыгает как заяц-беляк в своей шубе, больше ничего не видно.

– А чего вынесли-то?

– Да не разглядеть, мешок какой-то!

– Ты слепой! Куда залез? – очкарика тут же столкнули с живого пьедестала, а вместо него забрался новый смотрящий.

– Эй, – недовольно закричал жирдяй, – я замерз, снег-то холодный!

– Терпи, Коля, получишь сегодня дополнительную булку! Нужно посмотреть, что несут, правду ведь нам все равно не скажут!

– Ну что там? – подали голос замерзшие отличницы из 7 «А».

– Ничего уже не видно, все рассаживаются по машинам, наверно, отопление опять вырубилось или залило нас. Отменяют уроки, сегодня все домой.

Толпа закричала: «УРА-А-А!»

В это время раздался морозный свист физрука, он поднял руку в сторону, как регулировщик, и указал на вход в школу. Сначала зашли малыши, потом мы и только после нас старшекласники. Первый урок уже закончился, а второй не тропились начинать. Всех рассадили по классам, а потом заново выстроили на линейку в холле первого этажа. Я посмотрел на дверь комнаты завхоза – она была закрыта, а на полу около двери осталось множество еще невысохших следов от обуви, а обычно Петрович в это время всегда стоит у раздевалки и следит, чтобы все переобулись в сменную обувь.

«Неужели все из-за санок?» – недоумевал я, нервничая в неведении и все больше фантазируя. Все остальные были

спокойны и радовались отмене занятий.

Мы стояли уже минут 15, меня раз двести толкнули и раз триста наступили на ноги. Сзади выстроились бэшки, им не хватило места, они то и дело выталкивали друг друга вперед, на нашу территорию, когда правильнее было бы прижаться плотнее. Самые лучшие места находятся сзади, там можно присесть на теплую батарею и тихонько разговаривать.

Наконец-то завуч вошла в холл, на бегу сбросив свою кроличью мантию. Ее лицо было необычно встревожено, глаза бегали по сторонам в поисках поддержки среди учителей, ощущение такое, будто она впервые обращается к нам с таким заявлением. Обычно все наоборот, она всегда уверена в себе и непоколебима, как и ее коллеги.

– Тишина! Прошу тишины! – начала говорить завуч школы.

Все замолчали, в холле возникла пауза, даже бэшки перестали толкаться и раскрыв рты внимали сказанному. Кто-то чихнул. Кто-то кашлянул. Кто-то крикнул громким шепотом: «Отстань!» Учительница математики, стоявшая справа, ударила указкой по стене.

– Сегодня очень грустный день. К сожалению, наш завхоз Алексей Петрович скончался сегодня ночью. Мы все очень любили его, уважали. Без этого человека наша школа...

Дальше я не слышал ее речь, меня словно оглушило снарядом, взорвавшимся прямо под моими ногами. В ушах стоял нестерпимый гул. Вот, оказывается, кто был хозяином са-

нок. «Я убил человека» – с этими мыслями я сел на пол и заплакал.

– Эй, ты чего? – Сашка поднял меня за рукав и подпер, словно труп. – Стой, а то сейчас выгонят из холла.

Мне было по-настоящему плохо. Это уже не воровство, не хулиганство, это убийство! Я настоящий убийца. Мне не хватало воздуха, чтобы произнести даже слово, только почувствовал, как меня подхватили и посадили на подоконник, что был сзади.

– Васину плохо, принесите воды! – крикнул Сашка в толпу.

Меня умыли, кто-то принес снег и натер мне руки. Это немного привело в чувство, я поднял голову – рядом с собой увидел медсестру и учительницу по биологии.

– Все в порядке, – сказала она, – просто мальчик очень впечатлительный. Сегодня не одному ему плохо, – заметила она и побежала дальше.

После пятого урока всех повторно построили внизу, завуч объявила минуту молчания. Я молчал, и почти весь класс тоже, а Витька, откусывая бутерброд, с полным ртом сказал практически мне в ухо: «Невелика птица, почестей – как будто Ленина хороним». Я развернулся и вlepил ему пощечину. Не со злости, а поучительно, как это делает папа, когда я говорю глупости не к месту. Витька обиделся, но я уверен в том, что, когда он повзрослеет, обязательно поймет меня.

Ночь.

Я ворочался уже часа два, пытаюсь заснуть. Санок нет, я покончил с этой историей, а мое тело все никак не становится прежним, видимо, на это нужно время. Мысли о Петровиче не выходили из моей головы, я покрывался холодным потом, представляя, как завхоз заживо сгорел в школьной подсобке. Я украл его санки, а потом сжег их вместе с хозяином. Если бы меня представили суду, никто не поверил бы в мою невиновность, меня сочли бы монстром, надели наручники, цепи на ноги и приковали к металлической клетке. Перевернувшись на правый бок сто пятидесятый раз, я наконец-то уснул. «Все же это слишком просто, чтобы быть правдой», – подумал я перед тем, как провалиться в сон.

4:15 – санки, ничуть не пострадавшие от пожара, стояли на своем привычном месте и сверкали начищенными до блеска полозьями. Я испугался, будто увидел их впервые, отпрыгнул к стене и даже произнес нецензурную речь вслух: «Да чтоб вас! Как так? А Петрович, он жив?» Вопросов в моей голове становилось все больше, я закрыл лицо руками и вдруг почувствовал жесткие волоски на подбородке. Длинные, седые, сантиметров семь. Хорошо, что немного, я взял мамин пинцет и выщипал все до последнего. Я думал, это происходит по-другому. У Вани, что учится в девятом, сначала вылезли усы, потом немного на щеках, а после уже на подбородке, и они точно были не седые.

Я дождался семи часов, оделся и помчался в школу, но-

ги практически не слушались, пришлось приспособиться и скользить, согнувшись в коленях, будто на лыжах, со стороны это, наверно, выглядело смешно и нелепо. Школу открыла техничка через полчаса после моего прихода, я мерз на улице, ожидая кухарку, но ее не было. Надеюсь, что с ней все в порядке, я стал предполагать самое худшее: «Вдруг она обманула меня, сказав, что санки не ее? Вдруг она тоже сгорела, и сейчас ее труп лежит где-то и...» Я запутался.

Стоп. Санки же не сгорели, значит, и хозяин тоже не сгорел. Грань между реальностью и моим воображением постепенно исчезала, заполняя мою настоящую жизнь туманом вымышленных событий. С этого момента я решил записывать все, что произошло со мной, чтобы не выпасть из реальности полностью. Я сел на пол около окна, спрятавшись за доской почета на втором этаже, и уснул, прислонив голову к стене. Такое со мной не впервые, от эмоционального возбуждения стал быстро уставать и часто ненадолго вырубаться.

Звонок. Я разодрал тяжелые, слипшиеся веки – вокруг меня стояли ребята и, переглядываясь, весело хихикали. «Что со мной?» – испугавшись, я стянул свитер и закрыл им лицо, затем вскочил и бросился в туалет, где висело единственное в школе зеркало, – я был нормальным, но изрисован разноцветными фломастерами. Щеки, шея и кончик носа разукрашены синим, а уши и подбородок черным. Водой смылось совсем немного, скорее, размазалось, а мыла в туалете не было – спрятали, предусмотрительные гады. При-

шлось идти на урок в маскировке, но это было мне на руку, ужасная раскраска скрывала бледность лица, о которой сообщал мне практически каждый заговоривший со мной человек.

Из уборной комнаты я сразу же помчался в учительскую, там находились все трое апостолов, физрук, и еще несколько учителей, я вбежал и громко, перебив их беседу, спросил:

– Петрович жив? С ним все в порядке? – будучи уверенным, что произошедшее вчера напрямую связано с санками.

Все разом застыли, выражая совершенно разные эмоции – физрук закатил глаза и молча прошлепал губами: «Васин!» Учительница по музыке сдвинула свои аккуратные брови домиком, поджала губу и с искренней грустью посмотрела на меня. Завуч, натянув серьезную административную маску, что уже приросла к ее лицу, взяла меня под руку, вывела из учительской и тихонько сказала:

– Васин, деточка! Человек умирает только один раз, после этого он уже не возвращается, не просыпается и не воскрешается! Наш Алексей Пет...

– А много ли вы знаете об этом?! – заявляя так уверенно и бескомпромиссно, я вырвался из объятий, не нарочно пнув ее локтем, эмоциональная обстановка накалилась.

– Да, Васин, это истина, разговор окончен, немедленно иди в класс! – уверенно сказала она и с этой минуты, как и все остальные, стала считать меня полным идиотом, тупым придурком и просто дебилом за мои вопросы и неуместную

раскраску лица.

«Вы забыли добавить, что немедленно вызовете моих родителей в школу» – это сказал уже про себя, не желая еще больше накалять обстановку.

Я зашел в класс и сел за последнюю парту, где обычно сидел Ден, он, кстати, не появлялся уже второй день, видимо отлеживался дома, зализывая раны и готовя план отмщения. Все по очереди посмотрели на меня, но никто не засмеялся, не крикнул в мой адрес плохого слова, а молча разглядывали раскраску и перешептывались. Учительница по истории объявила самостоятельную работу, раздала задания и вышла из класса. Я, не поднимая головы, окунулся в учебник, желая скорее скоротать время, а после урока спуститься в столовую и поговорить с кухаркой.

Впереди сидели две болтушки, они весь урок обсуждали своих подруг из параллельного класса, какие-то браслеты и прочую ерунду, от которой устали мои черные уши. Я закрыл их руками, чтобы не слышать, но девчачьи раздражительные голоса продолжали проникать в мою голову.

– Что это? – спросила та, что слева.

– Это заколка из янтаря. Представляешь, я взяла ее без спроса из маминой шкатулки, чтобы надеть на Ленкин день рождения, но оставила в кармане и потеряла, это было еще в прошлом году, а сегодня я пришла и увидела ее на подоконнике в раздевалке, она лежала там вместе с другими вещами, вот мама обрадуется!

Я сразу понял, откуда на подоконнике взялись пропавшие вещи, и впервые за долгое время искренне улыбнулся.

9:15. Звонок.

Скорость звука 343 метра в секунду, в то время, как он пересек деревянное перекрытие между первым и вторым этажом, я уже вскочил с места и бросился к дверям, пытаюсь обогнать самых быстрых и голодных соперников.

– Васин, тебя дома, что ли, не кормят? Запиши домашнее задание! – остановила меня учительница истории и вернула на место, строго ткнув в мою парту кривым указательным пальцем.

Я все записал и опять вскочил.

– Сядь, подожди, пока я закончу урок.

Она второй раз отсекла мою попытку сбежать, терзая еще минут семь или восемь, а потом все же отпустила, но не первым, а в хвосте класса, что указывало на пренебрежительное отношение ко мне. Я ничуть не расстроился из-за этого, а просто не обратил внимания, что разозлило учительницу еще больше.

Очередь, как весенний ручей, струилась от кухаркиного окна к дверям в актовый зал, я стоял и терпеливо ждал, время от времени выпрыгивая вверх посмотреть, что происходит у истока. Наконец-то я предстал перед окном, сунул голову, но сначала не распознал, кто это, и испугался, что произошла смена кадров, но, приглядевшись, понял, что это она

– кухарка, вполовину уменьшившаяся в размерах, похорошевшая трижды и помолодевшая на треть своих лет, порхала по кухне словно бабочка. Я застыл в изумлении и не шевелился до тех пор, пока сзади меня не пнули со словами: «Быстрее давай, не один тут! Потом поглазеешь, видишь, какая очередь из-за вас, любопытных».

Я протянул монетки и получил взамен пирожок с капустой и яйцом. Внешний вид нашей злобной матрешки потряс школу настолько, что все забыли про скорбь по Петровичу, а рьяно обсуждали внезапное омоложение.

– Я знаю, что произошло! – заявила самая длинноволосая отличница, слизывая повидло с края пирога. – Это американские таблетки, про них по телевизору показывали, скоро все будут выглядеть так же.

– Я не хочу выглядеть так же, – тут же перебила ее подруга, сморщив лицо.

– Я говорю про то, что уже изобрели таблетки, которые не только замедляют процесс старения, но и поворачивают его вспять.

– Хочешь сказать, что она скоро станет молодой и красивой? – засмеялась подруга.

– Откуда у нашей Марии такие таблетки? Она с кухни не вылезает! Уж тем более американские, – гримасничая, подключился жирдяй, подчищая пустую, уже четвертую тарелку с обедом, отобранную у младших.

В моей голове все перемешалось, каждый новый день от-

далял меня от разгадки, а не приближал, как казалось мне до этого.

– На, это тебе, ты заслуживаешь добавки, – лестно издеваясь, я сунул пирог в открытый рот жирдяя и побежал в кухню.

Справа, от окна находилась техническая дверь, я дернул ручку и оказался внутри, по ту сторону нашей школьной жизни. От сильной концентрированной вони щами и тушеным мясом меня затошнило, я обернулся и, убедившись, что моего маневра никто не заметил, крикнул ей в спину:

– Мария!

Она обернулась:

– Ждать еду нужно около окна, сюда тебе нельзя.

– Мне нужно знать правду, – полушепотом сказал я и, жестикулируя, подозвал ее к себе. Она сделала шаг навстречу.

– Санки! Чьи они? Кому нужно их вернуть и как? Я пытался...

Ее глаза покраснели больше обычного, по лицу и шее побежали вздутые синие вены, будто внезапно разбуженные черви, выныривающие изнутри в поисках пищи. Она издавала негромкое шипение: «Уходи! Уходи!..»

Я испугался и шагнул назад, споткнувшись о порог, вдруг почувствовал, как синхронно с ее, потяжелели мои веки, налитые кровью, как по всему телу, с ног до головы извиваются налитые вены, а запястье на правой руке горело, будто его окунули в кислоту.

– Мы одинаковые, – сказал я вслух и бросился к раковине, над которой висело маленькое заляпанное зеркало. Я заглянул в него и увидел непроглядную, всемогущую, поглощающую меня тьму, которой мы оба всецело и безвозвратно принадлежали.

Через некоторое время.

Очнулся. Потолок. Лампы дневного освещения в ряд по две штуки висели длинной цепочкой. Горели выборочно – две первые, одна из среднего ряда и по одной в последнем и предпоследнем ряду. «Надо заменить», – почему-то подумал я и попытался приподняться.

– Лежи-лежи! – сказала школьная медсестра и положила мне на лоб холодную грелку. Я брякнулся на подушку.

– Что произошло? – с ужасом в голосе спросил я.

– Ты упал в кухне нашей столовой и ударился о кран, – пояснила она, – а еще, судя по всему, у тебя обезвоживание, как часто ты пьешь воду?

Я задумался и вспомнил, что последнее время стараюсь не пить, чтобы избежать лишних проблем с мокрыми брюками.

– Пью обычно стакан или два в день, – соврал я.

– Это очень мало! Нужно пить два литра, а с твоей потливостью можно и три! – заявила медсестра, искренне обеспокоенная моей проблемой. – Давно ты был у врача?

– Я от него не вылезаю, поверьте.

– Сегодня сообщу твоим родителям, что нужно немедлен-

но...

– Нет! Пожалуйста, только не звоните им! Я сам все улажу, прошу вас! – я вскочил, бросился к раковине, налил полный стакан воды и демонстративно выпил залпом. – Буду пить много, очень много!

Я занервничал и почувствовал новый прилив, последнее слово издав почти шипением. Закрыв лицо рукой и выдохнул полной грудью, попытавшись максимально расслабиться. Лучше бы обмочился, честное слово. Напряжение не сходило, я сжал кулак и хотел было ударить в стену, как тут дверь отворилась и медсестру вызвали в учительскую.

– Посиди тут, – сказала она и вышла.

Я лег и снова пересчитал перегоревшие лампы, их было на одну больше, чем работающих, это помогло мне расслабиться и сбалансировать свой организм, после чего я опять почувствовал жжение в правом запястье. Вены бегали по руке, подбираясь все выше, образуя синий кишачий сгусток, он жил внутри меня своей жизнью, не желая поддаваться. Я надавил на него, но это не сработало.

Тогда, воспользовавшись своим одиночеством в медицинской комнате, я достал из шкафчика бинт и замотал запястье так туго, как мог. Рука тут же онемела, я снял и наложил новую повязку, более правильно, вспомнив практические занятия по оказанию первой помощи на уроках ОБЖ.

– Что ты делаешь? – спросила медсестра, когда вернулась в комнату.

– Я воспользовался бинтом, руку ушиб при падении, правильно наложил? – И похвастался, выставив кисть перед ее носом.

– Хорошо, что укол себе не вколол, Васин, тебя и оставлять-то страшно, – возмущенно мотая головой, прокомментировала она сама себе. – Правильно, а теперь иди в класс, а то пропустишь опять все уроки.

Физкультура.

Этот ужасный резкий свист просто выводит из себя.

– Я и так делаю что могу, – сказал я физруку, лежа под десятикилограммовой штангой.

– Давай, Васин, не ленись, ты должен поднимать вдвое больше девчонки, а то так и будешь вечно болеть и ныть.

Все засмеялись, а Витька предательски выкрикнул: «Да он претворяется, видели мы все, как он умеет», – вспомнив про Дена.

Я сделал над собой усилие и оторвал один край от пола.

– Ай, молодец! – Физрук надел еще по одному килограмму веса с обеих сторон и засвистел.

Я не мог сдвинуться с места, потому что бросил все свои силы на то, чтобы не разозлиться. Иногда мне казалось, что я могу контролировать этот процесс, но случай с кухаркой показал обратное. Почему она меня выгнала, не захотев поговорить, и чего она боится? Может, хозяин санок в школе и наблюдает за нами? Но тогда почему он просто не заберет

свою вещь обратно, зачем мучает меня, я ведь достаточно настрадался из-за них?

Я стал думать, кто бы это мог быть, перебирая в голове образы знакомых людей. Физрук? Нет, он слишком глуп, чтобы управлять столь всемогущим процессом. Может, завуч? Вряд ли, у нее и без того полно дел, она вечно бегают выпучив глаза как рак, решая внезапно возникшие проблемы. Директриса? Ее мало интересуют школьные дела, она всегда занята своими и ничуть не интересуется нашими. Может, прелестная Муза, что указала мне на ключи? Но тогда ее действия совершенно нелогичны.

В школьном архиве есть личные дела на всех учителей, нужно залезть туда и изучить каждого, что-нибудь я наверняка найду, осталось только дожидаться подходящего момента.

Вечер был спокойным, пока в дверь не постучали, ну неужели опять она? Я отложил в сторону раскрытый учебник и выглянул из комнаты на половину туловища.

– Здравствуй! – сказала психолог, поправляя примятую под шапкой прическу. От нее веяло уличной свежестью с легкими нотками уже выветрившихся духов. – Сегодня мы общаемся? – спросила она.

– Если вы пообещаете отстать после этого, то да, – ответил я.

– А если нет? – поинтересовалась женщина, присаживаясь на стул.

– Если нет, то я, пожалуй, продолжу делать уроки, вы же не хотите стать причиной моей завтрашней двойки за несделанное домашнее задание?

– Хитрый какой, – улыбнулась она, – я не задержусь надолго, времени на уроки у тебя останется предостаточно.

Я сел напротив и, уставившись на нее стеклянным взглядом, произнес практически не шевеля губами:

– Слушаю.

– Что у тебя с рукой? – тут же спросила она, бросив небрежный взгляд на бинт.

Нужно, конечно, было спрятать его, чтобы не возникало подобных вопросов, но догадался я заранее.

– Ударился в школе, бинт наложила медсестра, чтобы рука меньше двигалась.

Она наклонила голову вбок и взялась за кончик ручки зубами.

– Обычно в таких случаях накладывают шину, а не бинт. А еще, судя по узлу, ты все же наложил ее сам, это так? – она опустила голову в свою тетрадь и сделала первую на сегодня запись.

«Ну прям провидица какая-то», – разозлился я.

– Вы пришли поговорить о моей руке? – возмущенно поинтересовался я, пытаюсь выиграть время.

– Я пришла поговорить о тебе в целом и о твоих проблемах, но отдельные части твоего тела, вызывающие у меня подозрения, мы также можем обсуждать отдельно.

– Подозрения? Какого плана, а точнее, подозрения в чем? – я занервничал, это стало видно – подмышки, лоб и руки неприятно вспотели.

– Будь добр, сними, пожалуйста, бинт, я осмотрю твою руку и наложу тебе более правильную повязку, необходимую при ушибе кисти, – она говорила очень официально, будто нас записывали на диктофон.

– Я не могу, – серьезно ответил я, скривив лицо.

– Назови причину? – она приподняла бровь и снова что-то записала.

– Я не хочу вас испугать, лучше закроем тему, – я начал защищаться, чувствуя, как под бинтом кишат накаленные вены, будто кровь в них нагрелась до ста градусов и закипела.

– Меня? Напугать?

– Вы умничаете совершенно зря, остыньте, – я впервые так дерзко разговаривал с человеком старше меня по возрасту и статусу, отчего сам не на шутку испугался.

– Я знаю, почему ты не хочешь снять бинт и показать свое запястье, ведь на нем что-то есть, я права? – изменив интонацию, сказала она и посмотрела мне прямо в глаза, сделав запись в тетради и приподняв ее, чтобы я не увидел: «Попытка самоубийства, вскрытие вен на правом запястье».

«Может, это она хозяйка санок, раз знает про запястье? – мысль взорвала мое сознание словно бомба. – Как же я раньше не догадался?! Так и есть! Нужно воспользоваться ситуацией».

– Я хочу извиниться, – изменившись в голосе, сказал я и опустил в пол виноватые глаза. – Это вышло случайно, неосознанно, понимаете?

– Расскажешь?

– Да! – я почувствовал облегчение в надежде, что наконец-то раскрыл тайну, терзающую меня уже долгое время, и начал рассказ: – Это был первый день после каникул, мы вышли из школы, было холодно, и нас отпустили раньше обычного, мы с Пашкой... – я резко замолчал.

Она перевела взгляд, ожидая продолжения.

«Хоть они и предатели, – подумал я, – хоть и испортили мне жизнь, я все равно не сдам друзей, потому что, даже будь я самый тупой и беспомощный подросток на свете, не способный поднять штангу с девчачьим весом, – все же я не стукач!»

– И?.. – нетерпеливо протянула она.

– Мы вышли из школы. Я, Пашка, Ден, Сашка и ребята из «Б» класса, договорились пойти на задний двор и поиграть, построить крепость... – мысли разбежались, и, как говорит мама, я проглотил язык, перед тем как сказать правду, точнее, полуправду, слишком долго копившуюся во мне.

– Они тебя не позвали играть? – предположила она.

– Не-е-ет! – я удивленно возразил. – Я сам не пошел. Они убежали, а я подошел к тыльной двери школы, там никого не было, я осмотрелся...

– Так что стало причиной? – перебила она, глянув на часы.

– Да не было никакой причины, – жестикулируя, я развел руками, – просто глупость, бездумно так взял и дернул в поисках новых ощущений. . .

– Извините, что перебиваю, – мама зашла в комнату с двумя стаканами воды, поставила их на стол и поинтересовалась, как проходит разговор, не нужно ли нам что-то еще.

– Нет, мам, ты только отвлекаешь, – я закрыл за ней дверь, практически вытолкнув ее, и тут же продолжил, встав перед психотерапевтом на колени: – Пожалуйста, заберите их, я больше не могу, правда, они сводят меня с ума, они меня просто уничтожают! – Мое лицо покраснело от напряжения и стыда.

Женщина посмотрела на меня с искренней грустью и сделала еще одну скрытую от моих глаз запись в своей тетради: «Признался в попытке суицида, умоляет забрать родителей, утверждая, что они издеваются над ним. Домашнее насилие».

– Хорошо! – наконец после непродолжительной паузы вынесла она заключение. – Я помогу тебе! (Тем самым уведя в сторону с правильного пути и потратив зря драгоценное время.)

Я обрадовался и задышал так интенсивно, как будто пробежал дистанцию несколько километров.

– Спасибо, спасибо! – склонившись к ее ногам, практически касаясь лицом пола, повторял я, показывая свое искреннее раскаяние.

Она сосредоточенно и важно закончила запись в своей тетради, совершенно не слушая меня, а после, указав ручкой на мое запястье, приказным тоном добавила:

– Но смотри мне, чтобы больше ты даже не думал об этом! Пусть твой опрометчивый поступок останется в прошлом, тогда я сохраню наш секрет, договорились?

Я положительно кивал и, извиваясь, радовался словно пес, если бы у меня был хвост, я бы непременно бил им по ножке стула и спинке кресла.

– Вот! – крикнул я ей вслед и стянул бинт с руки, под которым к этому времени сформировалась четкая перевернутая восьмерка, похожая на свежий ожог. Но было поздно, женщина развернулась ко мне спиной и вышла из комнаты.

Ну и ладно, это уже не важно, утром я проснусь и пойму, что все это был дурной сон.

Утро.

Я проснулся, было еще темно, сразу же, не вылезая из-под одеяла, натянул штаны, кофту с оттянутыми рукавами, спрятав под кровать санки, которые по-обычному стояли на страже моего сна, и прошел на кухню, испытывая сильную жажду. Свет не горел, я нащупал выключатель на правой стене, щелкнул тумблером и крикнул «А-а-а!» – от неожиданности. Папа стоял спиной, прислонившись лбом к окну, а мама сидела у него в ногах с сильно заплаканным лицом.

– Кто-то умер? – спросил я. – Тетка скончалась? Бабушка?

Родители молчали, будто сговорившись, и не подавали ни одного признака жизни, как восковые фигуры. По их виду я понял, что они не ложились спать, а всю ночь провели на кухне. На столе стояла открытая бутылка коньяка, подаренная папе на 20-летие его работы в архитектурном бюро. «Выпью, когда уволюсь», – сказал он тогда и поставил коньяк в шкаф. Папа сильно гордился этой датой, а мама возмущенно удивлялась его выдержке, говоря, что не сидит больше пяти лет на одном месте, потому что работать становится скучно и хочется перемен. Тогда папина коллега, выслушав мамини изречения в десятый раз, набралась наглости и дала маме дружеский совет, сказав, что лучше бы она не возмущалась, а радовалась, поскольку чувство постоянства интегрируется

во все сферы жизни человека. Я не понял, но запомнил, потому что мама изменилась в лице и потом еще долго обсуждала эту бестактную коллегу.

– Пап, тебя уволили? – закричал я во весь голос. – Не переживай, посмотри на маму – она ведь не задерживается нигде дольше пяти лет и вполне счастлива, а вообще главное другое!

Я пытался всеми силами успокоить папу и даже был готов сыграть с ним в прятки в нашей небольшой квартире. Они оба продолжали молчать, беспокоя меня еще больше. Наверное, дело не в работе – я сел рядом с мамой и тоже заплакал от страха. Она обняла меня, одной рукой прижав к себе, и поцеловала в голову:

– Что ты сказал этой женщине, школьному психологу? – наконец проговорила она хриплым голосом.

Я испугался еще больше.

– Сказал правду, – дрожь в голосе вырывалась вперед слов.

Папа отлип от окна и, посмотрев на меня сверху, сказал:

– Тебе придется пожить отдельно от нас.

– Где? – всхлипывая и проглатывая подступающие слезы, спросил я.

– Постараемся сделать все, чтобы тебя временно поселили с бабушкой, а там будет видно. – Он хлопнул входной дверью, набросив пальто и взяв портфель с документами.

– Нужно решать проблемы, а не убегать от них! – сказал

я в закрытую входную дверь, зная, что он эти слова уже не слышит.

Меня отдают как паршивую собаку, что подобрали на улице, но через некоторое время, поняв, что собака не научилась терпеть, отдают в хорошие руки. «Все наладится», – тебя за морду, говорят ей на прощание и улыбаются.

Я хотел спросить у мамы, в чем дело, но не решался, потому что боялся правды, зная, что сам заварил эту кашу.

Бабушка жила в частном секторе северной окраины города – деревня Острош стала моим новым пристанищем вечером того же дня. Признаюсь, несмотря на душевные муки и уже заполнившую меня тоску по родителям и дому, я чувствовал облегчение. От моего нового дома до школы идти всего на 20 минут дольше, чем от прежнего жилья, поэтому обучение я продолжу там же.

– Обещайте мне одну очень важную вещь! – покидая родной дом, говорил я родителям и поочередно смотрел им в глаза, ожидая их полной концентрации на мне: – Обещаете? – Сдвинув брови, я выдержал паузу, они оба кивнули: – Не заходить в мою комнату до моего возвращения!

Ручку я замотал проволокой снаружи, запаял конец, закрепил кончик скотчем, потом все вместе замотал еще слоем проволоки и надежно перевязал все веревкой. На двери повесил записку «Не входить». Это я сделал, чтобы появляющиеся ночью санки не побеспокоили родителей, пусть стоят в закрытой комнате до моего возвращения.

– Как скажешь, – согласилась мама, не восприняв мою просьбу всерьез.

А папа выслушал до конца и уточнил:

– Это что же, мы даже убраться там не сможем?

– Нет! – со всей серьезностью дела ответил я и еще раз уточнил: – Это очень важно для меня! Просто поверьте и сделайте так, как я прошу! Если, конечно, хотите, чтобы я вернулся, – добавил в конце вполголоса.

– Ну что ты говоришь! Конечно, ты вернешься! Просто погостишь у бабушки недолго, она, кстати, сильно соскучилась, ей совсем некому готовить, проведете весело время, а потом вернешься домой, – мама повернулась к зеркалу и обвела губы красной помадой так аккуратно, что ни один лишний миллиметр краски не вылез за контур губ. – Это мы еще посмотрим, кто будет смеяться последний, я их всех там засужу, – сказала она своему отражению, сменив слезы на отчаянную решительность.

Д. Острош.

Я бросил сумки и осмотрелся – у бабушки много места и много еды.

– Господи, худой-то какой! – обняла она меня и чмокнула раз пятнадцать.

Я стерпел и сказал, что тоже рад ее видеть, а больше ничего говорить не мог, потому что пережевывал то, что она клала мне в рот большой деревянной ложкой.

– Говорила я им, говорила, надо заниматься ребенком, а не работой своей, все они там строят эти карьеры, кавтьеру, карьеры! – наконец-то выговорила она.

– Карьеру они строят, бабушка! Это значит, хотят добиться определенного статуса и положения на своей работе, ну и денег, конечно, – пояснил я.

– Хотят они! Вон какой худой, поди и не кормят тебя, – бабушка шлепнула мне на тарелку котлету размером с саму тарелку в тот момент, когда мой желудок заполнился до предела. – Ешь, я тебе сейчас еще ватрушки разогрею.

«У бабушки мне определенно лучше», – думал я, выщипывая вновь отросшие седые волосы мамиными щипчиками, которые предусмотрительно прихватил из дома. Она, во-первых, ничего не слышит, во-вторых, ложится спать в восемь вечера в самой дальней комнате дома и не выходит оттуда до утра – это однозначно преимущество, в доме только один этаж, полно окон и дверь, которая запирается на щеколду изнутри. Я почувствовал решительную свободу, растянувшись на кровати в самой большой комнате, увешанной по кругу красными коврами. Тут они меня не найдут, это точно – обманув наконец-то ненавистные санки, я уснул сном младенца.

Утро.

Я открыл глаза и сразу заметил, что на улице светлее, чем должно быть, но тут же забыл об этом, увидев аккуратно сто-

ящие санки около кровати. «Черт!» – я ударил кулаком в мягкую подушку и тут же забыл про санки, увидев свою руку. Кожа сморщилась, покрылась какими-то жуткими бородавками и родимыми пятнами, из которых торчали одинокие седые волоски. Я приподнялся и осмотрел комнату – краснота создавала мутную пленку перед глазами, я встал и подошел к зеркалу – то, что предстало передо мной в отражении, заставило меня забыть все остальное. Я всматривался, не веря своим глазам, бросился к другому зеркалу, оно отразило то же самое – пустоту, точнее, комнату со всеми находящимися в ней предметами, но только без меня. Я махал руками, отходил, приближался, но все было напрасно – зеркала отражали совершенную пустоту. Такого я не ожидал, честное слово. Помимо того, что я не понимал, как выглядит мое лицо, я вообще не знал, есть ли я на самом деле, может, я умер? Но почему тогда я вижу свое тело, двигаюсь, разговариваю?

Я повернулся к санкам и тихо прошептал, так и не поняв, что происходит со мной: «Я вас уничтожу, обещаю!» – в этот момент мои глаза, подогретые бурлящим гневом, еще больше покраснели.

Я вышел на улицу и облился ледяной водой, затем упал в снег и пролежал там минут 10, заметив ужас в глазах соседской девчонки, что стояла за забором и смотрела на меня в щель между перекрытиями. Я встал и, ничуть не стесняясь своей наготы, зашел в дом. После душа глаза норма-

лизовались, я научился чувствовать их изменения, даже не видя в отражении, кожа порозовела – я немного пришел в себя. Спрятал санки в кладовой, и без того забитой старым хламом, и, одевшись, зашел в кухню. Аромат блинчиков с клубничным вареньем окутал меня волшебными чарами, я съел все, что влезли, выпил чай, стерпел 15 бабушкиных поцелуев и пошел в школу. На голову я все же надел кепку с длинным козырьком, а на шею намотал бабушкин вязаный шарф – вид у меня был нелепый, зато способный защитить в нужный момент, скрыв от любопытных глаз.

Школа.

Уроки тянулись непривычно долго, учителя, как сговорившись, вызывали меня к доске, будто хотели посмеяться со всеми остальными над моим видом. Я не снимал кепку и шарф, ссылаясь на простуду и плохое самочувствие, мне не верили, но и не спорили, потому что уже попросту не хотели со мной связываться, поставив на мне жирный крест. Обычно это происходит с проблемными детьми, ими не занимаются, а просто терпят до конца средней школы и в одночасье выбрасывают за двери школы как неудачный продукт воспитания. Школа – это производство, а, как на любом производстве, иногда и тут случается брак.

– Сегодня столовая работает только на продажу упакованных продуктов, – предупредила математичка после урока. – Если вы принесли еду с собой, то можете пройти в актовый

зал и пообедать.

После ее слов я немного заволновался и поторопился спуститься вниз, разузнать, в чем дело. Все было как она и сказала – помощница кухарки продавала печенье и сухари тем, у кого были деньги, остальные толпились по краям, высматривая добычу. Сашка болтал с каким-то старшеклассником, как я понял, они вместе ходят на хоккей и в последнее время хорошо сдружились, немного позже к ним подошел Пашка, он задержался, потому что сдавал книги в библиотеку.

Я сунулся в окно кухни:

– А где Мария? – поинтересовался у помощницы.

– Иди отсюда! И так из-за тебя проблемы, теперь нашу дверь запирают на ключ, чтобы такие любопытные, как ты, не совались и не бились своей тупой головой о кран, – сморщившись, словно наступила в свежие собачьи экскременты, ответила она.

Я выставил кулак над тарелкой и немного разжал его, вниз, звонко брякая, посыпались новенькие монеты, одна за другой. Я видел, как ее зрочки жадно провожают каждую вниз и возвращаются за новой.

– Так что с Марией? – переспросил я уже в новой сложившейся обстановке.

– Она не вышла, наверно, заболела, – пересчитывая мои деньги, ответила она.

– Что будешь брать? – закончив, спросила помощница.

– Ничего, я не голоден, – натянув кепку до бровей, я успел

увидеть ее засиявшее от радости лицо.

Собачьим говном, которое только что так нескромно лежало под ее изящными ногами, даже и не пахло.

Я обогнал Сашку по дороге в класс, он был один, Пашка остался в столовке после звонка. Поймав удачный момент, спросил, не знает ли он, как дела у Дена. Несмотря на все разногласия, я все же волновался за его здоровье. Сашка сказал, что Ден на больничном и больше никакой информации от него нет. Я не придумал, как продолжить разговор, и просто прибавил ходу, махнув головой в благодарность за ответ.

После седьмого урока основная масса учеников покидает школу, учителя расходятся чуть позже. После 16 часов остаются только те, кому требуется исправляться, а в 18 расходуется продленка, свет гасят и школу закрывают совсем. В это время уже темно и пробираться по школе будет сложно. Я проанализировал временные интервалы и решил, что буду действовать по обстоятельствам, импровизируя, это надежнее моего плана, который обычно с треском проваливается.

Класс литературы освободился после 15 часов, ключ мне не понадобился, потому что дверь была слегка приоткрыта и манила меня своим таинственным просветом. Я зашел и закрыл за собой. Первые полчаса просто осматривался, ожидая увидеть что-то необычное, но все было как нельзя более простое и неподвижное. Затем я подогнал учительскую лестницу и полез наверх, к книжным полкам. Доставая по одной, я перелистывал страницы, всматривался в переплет и

бросал их на пол, не посчитав достойными моего внимания. Шло время, а разгадка была далека от меня как никогда.

– Васин? Ты что делаешь? – крикнула возмущенная учительница литературы.

– Я думал, вы ушли домой! – честно ответил я, глядя на ее растерянный вид сверху вниз.

– И поэтому ты решил вернуться в класс и выпотрошить книжные полки?

От несдержавшихся эмоций она выронила из рук журнал, стопку тетрадей и деревянную указку. На крик сбежались остальные учителя, все еще находившиеся на третьем этаже правого крыла.

– Васин! – возмущались они по очереди, собирая книги, разбросанные по полу. – Тебе надо лечиться, ты больной! – заявляли они так уверенно, что я почти поверил в это сам.

– Посмотрите, нет, вы посмотрите! Он порвал Толстого!

– Ничего я не рвал, он такой и был! – карабкался я на поверхность беспощадно поглощающей бездны безумия.

Учителя сняли меня со стремянки и заставили собрать все разбросанные книги, я собрал, молча подчинившись их приказу, после чего меня отправили домой, пригрозив снова сообщить о моем поведении родителям. Обычно эта фраза приводит меня в бешенство, но сегодня я отнесся к ней спокойно, возможно, это связано с тем, что мы больше не живем вместе.

Я, конечно же, сделал вид, что отправился домой, а вме-

сто этого обошел школу практически впритирку и снова вернулся. Пробрался на второй этаж и спрятался за доской почета, где собрался дожидаться конца рабочего дня учителей. Тишина и тепло от рядом проходившей батареи разморили, и я, как и пару дней назад, в этом же самом месте задремал. Шарканье тряпки и деревянные удары шваброй о плинтус вернули меня из мира забвения. Уборщица мыла этаж, значит, сейчас около 17 часов. Уличный свет еще хорошо освещал помещение, но был уже мутно-синим, призывая меня поторопиться. Я дождался, пока тишина полностью окутала все школьные помещения и аккуратно вылез из-за деревянного стенда. Пробежался по доске почета, на которой сегодня заменили фотографии. Жирдяй из 7 «А» возглавлял колонну лиц, чьи родители неустанно гордятся своими чадами, рассказывая на работе об их успехах своим коллегам. Я представил себя на этом месте, если бы я не дернул за эту злосчастную веревку, то вполне возможно...

С потолка упала первая капля воды, по стенам побежали черные разводы, похожие на паутину гигантского паука, свет за окном таял на глазах, занавес опускался. Я бросился бежать.

«Канцелярия». Табличка выгорела, буквы еле видны, дверь заперта. Я скинул рюкзак, достал свои три ключа, несколько раз перебрал их по очереди и вдруг обнаружил похожий, открыл и зашел. Я оказался тут впервые, вытянутое, словно длинный коридор, помещение, в конце стоит стол, по

обе стороны вдоль стен выстроены стеллажи, полностью забитые папками до самого потолка.

Ого! Тут придется сидеть минимум неделю не вылезая, чтобы найти нужное. Я напрягся и понял, что помещение этажом выше точно такое же – это библиотека! Вспомнил принцип расстановки книг, о котором мне рассказывала библиотекарша. Все упорядочено согласно алфавиту, нужно двигаться с правой стороны самой верхней полки змейкой вниз. Я взял лестницу и залез, тут же начав чихать, наглотавшись пыли. «1915 год. Ничего себе! – подумал я и продвинулся дальше: – 1921 год». Я вытащил папку из середины и, чихнув еще несколько раз, спустился вниз. Бумага плотная и желтая, пахнет сыростью, пылью, чернила почти не видны. «Личное дело». Я аккуратно открыл первую страницу: «Лапина Ольга Владимировна. 1902–1949 г. Учитель физической культуры. Заслуженный тренер команды школы». Дальше я не стал читать, потому что очень плохо видно. Всмотрелся в фото. Симпатичная, волосы лежат волнами и соединяются в пучок. Раньше физруки выглядели однозначно лучше, чем сейчас. Я закрыл папку и поставил ее на место, параллельно размышляя, где может стоять личное дело нашей кухарки, змейкой пробегаясь по рядам. «1991 год» – ничего нет. Я отодвинул лестницу, видимо, дело заводят в год, когда работник приходит в школу. Я отмотал назад и начал с 1950-го. Стемнело почти полностью, я достал фонарь из рюкзака, включил и зажал его зубами, быстро перебирая папки с лич-

ными делами. «1952 год». «Личное дело», «Мельцева Мария Ивановна. Получила фамилию в честь Мельцевского госпиталя, в котором проходила лечение от потери памяти в 1951 году. Послевоенная контузия. Дата рождения не известна. Настоящая фамилия не известна».

Я оторвал глаза от бумаги и уставился в потолок, пытаюсь сосчитать, сколько ей должно быть лет сейчас. Очень много. Значит, это не она, хотя по фото очень похожа. Я перелистнул следующую страницу. «Директор школы Прокофьев Олег Юрьевич». Нашел его личное дело, нашел всех, кто работал в тот период. Единственная, кто остался в живых, это учительница по биологии, она работала в школе с 1949 года, а сейчас отдыхает на заслуженной пенсии. Я переписал ее домашний адрес и поставил дело на место. Адреса в деле Марии не оказалось, зато нашлась вставленная в последнюю страницу газетная вырезка того времени с объявлением: «Пропала девочка, 10 лет. Зовут Мария, волосы темные, ниже плеч, глаза зеленые. Одета в голубое пальто, валенки и черные штаны, при себе имела санки, деревянные, с коваными металлическими полозьями». Я дочитал объявление до конца, и меня бросило в пот, нет – в жар. В то и другое одновременно, я пошатнулся и упал с лестницы. Еще некоторое время лежал и смотрел в темный, украшенный застарелыми разводами потолок и никак не мог собрать все воедино. Кто такая Мария? Чьи санки? Что за девочка?

Я встал и снова взял ее личное дело, сел за стол и начал

сравнивать даты и фотографии. Пропавшая девочка почти не видна, по лицу горизонтально проходит газетный сгиб, глаза стерлись полностью, видны подбородок и уголки губ. Я сравнил с фото Марии – кажется, есть что-то похожее, но не точно. Губы, изображенные в таком качестве, все одинаковые. Я еще раз все прочел и поставил папку на место. Нашел много разных старых фотографий выпускников и газетных стендов. Школьный уголок 1952 года: школа выиграла турнир по футболу, заняв первое место среди областных городов. А вот еще раз дублируется объявление о пропавшей девочке в 1951 году. Видимо, ее так и не нашли. Я снова захихал от попавшей в нос пыли. Старые планы школы, чертежи, документация по изменению фасада здания, возведение постройки – я просматривал стопку с бумагами, что лежала отдельно. План эвакуации, 1956 год. Так выглядела школа до капитального ремонта в 1960-м. Про это нам рассказывали на классном часе, когда мы готовились к празднованию дня города. Я посмотрел на план и сразу заметил, что раньше в школе были три лестничных коридора. Изучил внимательнее, не хватает целого крыла, его признали аварийным и разобрали, а взамен пристроили новую часть, где сейчас находятся спортзал и столовка.

С потолка начала капать ржавая вода.

Я вспомнил, что сзади школы есть вход в подвал, закрытый бетонной плитой, это и есть остатки старого крыла. Я еще раз изучил план и заметил, что из школы был еще один

выход, как раз через это место. Я порылся в документах и узнал, что аварийное крыло – это изначально отдельно стоящее деревянное здание, построенное в конце XIX века, принадлежавшее местному кузнецу. После его смерти в доме на общественных началах стали проводить уроки чтения и письма для деревенских детей, а уже после революции перестроили в официальную школу.

Я не успел просмотреть все записи. Стемнело.

Вдруг почувствовал под ногами черную густую кашу и бросился к выходу. Уже в коридоре эта жижа загустела и стала походить на строительный бетон, она поглотила меня до колен, я практически топтался на месте, пытаюсь переставить вперед ногу, но у меня ничего не получалось. Я успел добраться до холла на первом этаже, схватился рукой за перила лестницы и выдернул правую босую ногу, затем зацепился другой рукой, подтянулся к лестнице и выдернул вторую, бежать можно было только вверх, первый этаж на глазах исчезал в черной густой дыре, что поглощала все на своем пути.

«Если бы я обратил внимание на время и вышел на улицу тремя минутами раньше, то остался бы жив этой ночью», – думал я, взбираясь вверх по бесчисленному количеству ступенек, что росли передо мной, а сзади, ничуть не отставая, ползла черная лава. Я понял, что вляпался по полной программе, но не сейчас, а в тот день, в тот злосчастный первый день после новогодних каникул.

Черная лава бурлила и безжалостно нагоняла мои босые ступни, обжигая их, словно раскаленный металл. Ступеньки, будто издеваясь, росли передо мной не переставая. Я затруднялся сосчитать точно, сколько десятков лестничных проемов мне удалось преодолеть. Силы кончились, и я упал. Лава подползла ближе, вспыхнул огонь, его языки жадно облизывали мое тело, корчась от боли, я все же открыл глаза, в попытке спастись схватился за верхнюю ступеньку, поднял голову и увидел, что передо мной стоят санки. Они смотрят на меня своей зловещей деревянной улыбкой, напоминая о том дне, когда я поджег их и оставил гореть, радуясь, что избавился навсегда.

Я очнулся, когда в окне появились первые призрачные проблески рассвета, и зашелся сухим непрерывным кашлем. Кое-где еще дымились маленькие угольки, черные, опаленные ступеньки впивались в мою спину и причиняли жуткую боль. Я поднялся, подо мной остался чистый след. Я спустился в туалет и начал жадно пить сырую воду, впервые почувствовав резкий металлический привкус. Стены вновь стали синими, полы деревянными, ступеньки серыми. Я осмотрелся, затем поднялся в архив, чтобы еще раз взглянуть на дело Марии, но, к удивлению, не нашел его. Я еще раз все осмотрел – папки не было. Наверно, я, торопясь, сунул ее в другое место. Время поджимало, с минуты на минуту в школе забурлит привычная дневная жизнь, я закрыл

за собой дверь и предусмотрительно покинул помещение.

12:00.

Бабушка приготовила борщ, пироги, картошку в сметане, котлеты с рисом, булочки с вареньем, салат, компот и творожную запеканку. Чтобы она не волновалась, я съел максимум, а остальное оставил на ужин.

– Мне пора на занятия, – сказал я и поблагодарил ее за вкусный обед.

– Ты же только что пришел! – возмутилась бабушка.

– Это дополнительные, – объяснил я, меняя в фонарике батарейки на новые, затем собрался и ушел по указанному в личном деле адресу учительницы по биологии.

«Сегодня всё, как и всегда, но санки не пропали днем, как это происходило обычно, они продолжали стоять в кладовке с хламом, куда спрятал их утром, – анализировал я в пути. – Марии вчера не было, но сегодня, вероятно, она в школе, только я вот не могу там показаться, так как уже идет пятый урок и мой день считается прогулом. Возможно, мне удастся подкараулить ее у школы на обратном пути».

Адрес привел меня в центр города на улицу Ленина, в тот самый дом, на который я смотрел из окна отделения милиции, когда меня загребли. «Очень символично», – подумал я и натянул свою маскировочную кепку поглубже, не желая быть узнанным.

Я барабанил кулаком в глухую кожаную дверь и только

после третьей канонады услышал скрип деревянного пола за дверью. Она открыла не сразу, а после тщательного допроса о целях моего визита. Я придумал, что делаю стенгазету, в которой хочу рассказать об истории нашей школы, и пришел, чтобы узнать все из первых уст. Биологичка впустила меня и предложила чай. Я отказался, потому что не хотел ее напрягать и вообще не хотел чай, испытывая сытость после плотного обеда.

Она поведала мне много всего интересного, подтвердив голословно те факты, которые я прочел в архиве. Оказывается, здание школы перестраивали не один раз, а несколько, в той части, что снесли, находились заваленные подвалы, в которых очень давно располагалась кузница. Я плавно перешел от здания к пропавшей девочке. Она сразу вспомнила ее, и на старых, сморщенных глазах выступили влажные воспоминания прошлого. Я будто через ее сознание проник в прошлое, представляя тот день как наяву:

– Помню тот день, когда она пришла ко мне в класс последний раз, волосы заплетены в косы, лицо бледное, мне тогда показалось, что девочка сильно обеспокоена. Маша училась в моем классе два года, ох была вредная, с характером, но все хорошо усваивала. Была у нее и старшая сестра, похожая на нее как две капли воды, только выше. Маша носила голубое пальто, а Надя – красное. Девочки не любили друг друга, всегда ябедничали и соперничали. Когда Маша пропала, Надя ничуть не сожалела об этом, а наоборот. Долго

тогда ее искали, лет пять или семь, – старушка наклонила трясущуюся седую голову, – отец обезумел от горя, когда под весенним талым снегом лесник нашел ее голубое пальтишко. Но тела не было, поиски продолжали, хотя так ничего и не обнаружили.

– А санки? Вы помните ее санки? – сосредоточенно продолжил я расспрос.

Она напрягла брови, подумала:

– Нет, санки не знаю.

А потом вдруг ее лицо немного изменилось:

– У Наденьки были санки. Но я их уже и не вспомню.

– А кто готовил еду в то время?

– Раньше-то в школах не готовили, это сейчас там кухня, – улыбнулась она. – Была у нас контуженая после войны, взяли ее мыть пол, а потом, когда отстроили новое здание, там она и пригодилась.

– Тоже Мария?

– Да, тоже! – старушка устала и начала засыпать прямо в процессе разговора.

– Она была молодая?

– Да нет, уже в годах. Все узнал? – спросила она в конце.

Я понял, что мне пора уходить, хотя вопросов у меня созрело еще больше, чем было.

– Да, большое вам спасибо, я закрою за собой, не вставайте.

Дверь с хрустом захлопнулась, я спустился вниз и пошел

к школе. «Как кухарка могла быть в возрасте в 1952 году, если она в возрасте сейчас?» – не складывается, но я чувствую близость к разгадке. «Санки принадлежали двум сестрам, одна пропала, вторая осталась – значит, это она и есть. Кухарка – это Надя, а санки принадлежат Марии, ей нужно их и вернуть. Осталось понять, как это сделать и куда она пропала» – мое умозаключение сегодняшнего дня.

Я вернулся к школе в половине пятого. Сейчас в здании еще много людей и прокрасться незаметно вряд ли получится. Я спрятался в школьном парке между горкой и крепостью, что построили ребята на прошлой неделе, она немного растаяла и перекосилась, создав отличное убежище для меня. Я дождался, когда несколько учителей вышли из школы, и решил обойти здание с внутренней стороны, там, где раньше стояла самая старая деревянная часть. Примерное место, где лежала бетонная плита, было полностью покрыто толстым, хорошо утрамбованным слоем снега, но меня это не остановило, я начал копать. Рыл руками, разбивал пристывшую ледяную корку сапогом и наконец-то добрался до земли. Понял, что рою в неверном месте, и сместился на метр влево. Там тоже ничего не обнаружил. Мои промахи, словно пулевые отверстия, украсили поверхность заднего школьного двора. Световой день начал угасать. Небо налилось синевой, месяц побелел и сдвинулся вправо. Я немного отошел и, напрягшись, вспомнил лето, а именно место, где лежит эта чертова плита.

Однажды Сашка выбросил из окна бутылку с кефиром, она упала и вдребезги разбилась о бетон, он думал, что угодит в траву, но промахнулся. Ему тогда влетело, а мы смеялись, свесившись из окна, когда учительница, оказавшаяся невольной свидетельницей произошедшего, заставила его спуститься и убрать стекла.

Я задрал голову вверх и вспомнил, из какого окна летела бутылка. Отсчитал кабинеты, вычислил траекторию и очертил место, в котором нужно рыть.

На этот раз не ошибся, под 30-сантиметровым слоем оказалась серая твердая поверхность. Я разрыл ее почти полностью, но более ничего сделать не смог. Я знал, что под этой плитой находился подвал, который засыпали при строительстве нового корпуса в 1960 году.

Свет в окнах погас, я вернулся к школьному входу, дернул за ручку двери – закрыто. На стене колебался белый листок бумаги, посаженный клеем к деревянному стенду. Я подошел ближе и узнал почерк завуча: «В школу требуется завхоз». Я дочитал и немного взгрустнул, вспомнив наш последний разговор с Петровичем.

Школа закрыта, внутри никого, у меня примерно минут 20–30 до наступления темноты. «Уж сегодня я не попаду в коварные сети ночной школы», – думал я, открывая украденным из учительской ключом дверь с тыльного входа, через столовую. Не глядя, я проскочил через новую часть школы, свернул на первом этаже в крыло первоклашек, туда, где

по плану ранее находился переход в старое здание. Холл для малышей заставлен партами, классы совмещены между собой, и коридор, в который они выходят на перемену, сделан отдельно, чтобы дети не перемешивались со старшими. Почти ничего не видно, я запутался. Нужно вернуться в архив и взять старый план школы. Я так и сделал. Счет шел на минуты, я включил фонарик, чтобы лучше видеть, развернул карту, вторую, новую, визуализировал первый этаж и понял, что скос стены над доской в классе – это и есть то место, где раньше был проход в старое здание, только вход в подвал находится за стеной, в лестничном проеме, который ведет с третьего этажа от кабинета литературы, по которому я спускался и ключ от которого мне указала Муза через свои пустые глаза.

Внезапно я почувствовал себя хорошо, я почти разгадал тайну санок. Правильнее было бы уйти и вернуться завтра, когда у меня будет больше времени, но нет, я так просто не сдамся. Темная полоса заката подкрадывалась тихо, но верно, словно хищный зверь, боясь спугнуть жертву. Я бросился наверх, а он бросился за мной. Мы неслись с разницей в полметра, в долю секунды, я взобрался по лестнице, преодолел коридор, открыл пожарный выход и побежал по ступенькам вниз, только я успевал убирать ногу, как ступенька трескалась и разлеталась на мелкие осколки, будто превратившись в тонкий, как нить, лед. Я спустился вниз и затаился в круглом холодном лестничном колодце. Наступила ти-

шина. Я победил!

А вот тот самый вход в подвал, заваленный старыми строительными материалами. Всю ночь я разгребал кирпичи, доски, металлические рейки и прочий мусор, пока не освободился проход достаточного для меня размера. На всякий случай надежно привязал веревку к крюку, что торчал из пола, и бросил конец в яму. Взял фонарик и аккуратно спустился вниз. Страх овладел мной так, что я еле-еле мог шевелиться, заставляя свой разум сосредоточиться, а тело действовать. Руки тряслись, сердце колотилось. Я осветил вперед – передо мной был длинный узкий тоннель. Я спустился и встал в полный рост, осветил стены – ничего, пустота. Прошел вперед, ко мне с потолка спускались ступеньки, это остатки старого здания, лестница, что вела в подвал из дома кузнеца, а сверху над ними лежит бетонная плита. Видимо, строителям было лень засыпать подвал и они просто закрыли его, чтобы дети не лазили. Я сделал еще несколько шагов вперед, весь тоннель в длину был около 10–15 метров, больше ничего. Я уперся в сырую землю, что высыпалась вперед от старости и давления. Ничего. Я еще раз поводит фонарем и вдруг заметил, что одна из стен исписана черным. Я подошел. Это был мелкий текст, написанный на стене углем, а внизу – остатки камина, сложенного полукругом из красного кирпича. Я нашел начало текста и начал читать:

«Я родился в 1866 году в деревне, что стоит по краю оврага, вблизи кузницы. Той зимой мне исполнилось десять

лет, а сыну кузнеца Ване только восемь. Его мать умерла в родах, и все воспитание легло на плечи отца. И вот однажды ночью кузнец, желая порадовать сына, смастерил ему сани: вырезал дубовые прутья, сковал стальные полозья. Утром мальчик обрадовался, взял подарок отца и помчался на горку, где весело проводили время все местные дети. Я тоже хотел прокатиться на этих санях, но на мои просьбы мальчуган отрицательно мотал головой, крепко держась за длинную веревку. Я разозлился, подкараулил его внизу и отвлек внимание: «Гляди! – крикнул я. – Лебеди летят!» Он задрал голову вверх и, захлопав глазами, на секунду разжал руки. Я схватил веревку и бросился бежать через озеро. Он заплакал и побежал за мной. В те дни была оттепель, ближе к середине озеро растаяло, я увидел, что лед в некоторых местах тонкий, толкнул сани перед собой, лег на них животом вниз и прокатился до противоположного берега, оставив за собой паутину треснувшего льда. Я встал на землю и тут же закричал ему: «Назад! Назад!» – размахивая руками так сильно, как мог. Он остановился и застыл, по розовой щеке скатилась слеза, Ваня посмотрел под ноги – лед разошелся прямо под ним. Две огромные ледяные глыбы поднялись вверх, словно крылья ангела, перевернулись и пошли вниз, утащив его за собой. Толстая овчинная шуба тут же набрала воды и якорем потянула на дно, не дав ему ни малейшего шанса. Я видел, как его растопыренные пальцы свело от холода, губы посинели, кожа стала белой, изо рта

вились мелкие пузыри воздуха, а глаза, кристально чистые и голубые, смотрели прямо в небо, он содрогнулся несколько раз и исчез в синей бездне.

Я неподвижно стоял на берегу и держал за веревку санки. Вечером кузнец поймал меня и запер в подвале. Обезумев от горя, он всю ночь читал мне Библию и ковал раскаленную сталь. Дойдя до восьмой заповеди, он клеймил меня в запястье и проклял сани навечно, приказав им служить вору до тех пор, пока он не умрет. Их нельзя уничтожить, нельзя победить, их можно только украсть. В этом случае проклятье переходит на нового вора.

Утром следующего дня ударили крещенские морозы, лед сковал трещины и стал крепким, как сталь. Кузнец искал тело сына 39 дней, разбивая ломом лед, но так и не нашел. С каждым днем я старел и чах, а на сороковой рассвет превратился в страшного урода. Я прожил в этом подвале 75 лет...»

Наступила темнота. Мой фонарь погас. Черт, я стал трясти его, пытаюсь снова включить, но он не поддавался. На ощупь я начал пробираться к выходу, а вместе с тем считать дни от того, когда я украл санки.

Сегодня сороковой, мне не хватало воздуха – я выбрался из подвала, отворил дверь на улицу и увидел рассвет. Он пробирался по тоннелям моего туманного сознания, сжигая все воспоминания, а вместе с ними всю мою жизнь. Становилось холодно, кровь в жилах остыла и загустела настолько,

что перестала двигаться. Я упал на землю, но соприкосновения с ней не почувствовал, веки стали тяжелыми и жгучими, словно налились ядом.

Утро.

Я подошел к школе, воткнул санки в снег и сорвал белый лист бумаги, висевший на деревянной доске с объявлениями, зашел в здание и поднялся на второй этаж.

– Что вы хотели? – спросила меня завуч, испытав нескрываемое отвращение.

– Я пришел по объявлению, – вытянув листок вперед, ответил я.

– Сколько вам лет? Работа тяжелая, нужно чистить двор, ремонтировать парты – это может быть сложно в вашем возрасте.

– Справлюсь! – уверенно заявил я. Она всмотрелась в мое лицо, будто бы узнав во мне кого-то, а потом попросила присесть и подождать, ответив на телефонный звонок: – Ну что? Нашли его? И дома не появлялся? Так вот, как появится, я переведу его на домашнее обучение. Что за безобразие творится! – положив трубку и схватившись за голову, сказала она, а потом повернулась к библиотекарше, что сидела рядом: – Васин пропал, вторые сутки его нет, вся милиция ищет, найти не могут. Зато нашли какую-то девочку, говорит, что зовут Мария, а больше ничего не помнит, ужас просто, все с ума посходили...

В моей постаревшей душе забилося черное, проклятое сердце.

Завуч посмотрела на меня еще раз, немного сморщив лоб:

– Хорошо, приступайте к работе, ваше помещение с реквизитом на первом этаже.

Я вышел на улицу. Сегодня впервые за долгое время в небе повисло по-настоящему весеннее солнце, оно согревало своими теплыми лучами промерзшую, усталую от холода землю. Температура поднялась выше нуля, и на дороге появились длинные узкие проталины, оголившие серый блестящий асфальт, что дремал под мягким белым одеялом всю зиму. По нему зажурчала талая вода. Прозвенел звонок, двери школы распахнулись, и ребята выбежали на улицу. Ден сменил свои армейские сапоги на высокие резиновые и первым бросился запускать крышку от мусорки, что я подарил ему прошлой весной. Это был мой самый быстрый корабль, он скользил по воде так резво, что с трудом удавалось догнать.

Ребята смеялись, а я смотрел, думая о том, как далеко я нахожусь от них, стоя так близко...